

БОРИС Н. ФЛОРЯ
Российская академия наук
Институт славяноведения
ORCID: 0000-0003-0779-2488

Великое княжество Литовское и Россия в 70-е гг. XVII в.

Ключевые слова: Россия, Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, русско-польские отношения, гетман Михал Пац, Василий М. Тяпкин

Keywords: Russia, The Polish-Lithuanian Commonwealth, The Grand Duchy of Lithuania, Russian-Polish relations, hetman Michał Pac, Vasilij M. Tiapkin

Отношения русских правящих кругов с политической элитой Речи Посполитой в 60-х — начале 70-х гг. XVII в. существенно отличались от отношений этой же элиты с правящими кругами целого ряда европейских государств. В составе польско-литовской политической элиты к этому времени давно существовали группировки, связанные с Австрией, Бранденбургом, Францией, которые в своей борьбе за власть в стране добивались укрепления связей Речи Посполитой со «своим» государством, снабжали его сведениями о положении в стране, согласовывая с ним свои действия, получали отсюда финансовые субсидии. В составе польско-литовской политической элиты не было группировок, которые искали бы сближения с русским правительством и стремились согласовывать с ним свои действия. После долголетней русско-польской войны такое положение дел не может вызвать удивления. Позднее положение изменилось.

Уже Александр Попов, анализируя статейный список посольства Василия Михайловича Тяпкина в Варшаве (1673–1677 гг.), обратил внимание на тесные контакты русского дипломата с таким видным представителем элиты Речи Посполитой, как великий гетман и воевода виленский Михал Пац¹. Всё это показывает, что в отношениях части польско-литовской политической элиты и русских правящих кругов произошли важные изменения. Чем они были вызваны, чего хотел этот литовский политик от России, всё это до сих пор во многом остается неясным. В опубликованной недавно биографии М. Паца² эта тема не раскрыта³. Между тем для истории развития отношений между

¹ ПОПОВ 1854.

² WOBIATYŃSKI 2008.

³ В книге В.М. Тяпкин упоминается два раза, глава Посольского приказа Артамон Сергеевич Матвеев — один раз.

Россией и политической элитой Речи Посполитой этот эпизод представляет серьезный интерес.

70-е гг. XVII в. — время господства в Великом княжестве Литовском магнатской семьи Пацов, возвысившихся благодаря поддержке королей Яна Казимира и Михаила Вишневецкого. Они заняли здесь главные государственные должности. Кшиштоф Пац стал канцлером, а его двоюродный брат М. Пац — великим гетманом и первым светским сенатором Великого княжества Литовского — воеводой виленским. Влияние М. Паца, как показано в книге Конрада Бобятыньского, распространялось на большую часть шляхты Великого княжества, о чем говорят решения литовских сеймиков, собиравшихся в эти годы. В конце 60-х гг. XVII в. Пацы и литовские политики их круга были частью более общего политического лагеря, который поддерживал короля Михаила и ориентировался на союз с Австрией, скрепленный браком Михаила с сестрой императора Леопольда I. Стоявшие у власти в стране политики перед угрозой со стороны османов искали поддержки в Австрии и в России. У литовских политиков были дополнительные причины придерживаться такой ориентации. Тем самым обеспечивался бы и прочный мир на восточных границах Великого княжества, сильно разоренного недавно закончившейся многолетней войной.

Были литовских политиков и другие планы, ставшими явными во время бескоролья 1668 г., когда семья Пацов и другие политики их круга проявили готовность поддержать кандидатуру царевича Алексея Алексеевича. Выставленные условия предусматривали возвращение Речи Посполитой утраченных земель и выплату в её казну больших денежных субсидий⁴. Они активно добивались заключения такого соглашения. Оно должно было, как представляется, укрепить (с возвращением утраченных земель) положение Великого княжества Литовского в Речи Посполитой и приобретение ведущих позиций в её политической жизни, как главных советников будущего монарха. Это не означало разрыва литовских политиков с их общей внешнеполитической ориентацией. Посланец К. Паца объяснил русским дипломатам, что новому монарху следует наладить отношения с императором «и ласка к нему держать большая»⁵. Таким образом, уже в 1668 г. важная часть литовской политической элиты надеялась укрепить своё положение в Речи Посполитой благодаря соглашению с Россией. Правда, при этом речь шла о соглашении, которое предусматривало достижение желаемых целей за счет России, но тем не менее Россия явно воспринималась, как важная сила, с которой следует поддерживать контакты и договариваться.

Вопрос о соглашении, военно-политическом союзе с Россией стал актуальным, когда Речь Посполитая в 1672 г. подверглась нападению османов. Это нападение совпало по времени с началом общеевропейской войны и в этих условиях реальную помощь могла бы оказать только Россия. В заключении такого

⁴ ФЛОРЯ 2013, с. 410–416.

⁵ ФЛОРЯ 2013, с. 386.

соглашения была заинтересована вся политическая элита Польско-Литовского государства. Свидетельства и 1672–1673 гг. и ряда последующих годов показывают, что Пацы и политики их круга были последовательными сторонниками войны с османами и заключения антиосманского союза. Как представляется, не в последнюю очередь потому, что в условиях такой войны можно было добиться усиления позиций Великого княжества в Речи Посполитой.

В планах этой части политической элиты Речи Посполитой союз с Россией против османов, как представляется, занимал иное место, чем в планах польских политиков. Посещавшим Речь Посполитую в 1672–1673 гг. русским гонцам Ивану Протопопову, Прокофию Возницыну, Максиму Бурцову настойчиво внушали, что решение о продолжении войны с османами было принято только благодаря усилиям литовских политиков, так как польские политики, сторонники Франции, «хотят государство Полское отдать бусурманом» (что совсем не соответствовало действительности). Предлагая соединить военные силы для совместных действий против османов, русских политиков одновременно предостерегали не «случать» своих войск с польской армией, так как они могут стать жертвой сговора поляков и османов⁶.

Летом 1673 г. М. Пац вступил в переговоры с главой Посольского приказа А.С. Матвеевым, добиваясь соединения русских войск с литовской армией⁷. Составленный в Вильно план военной кампании предусматривал, что польская армия должна была выйти к молдавской границе для прикрытия страны от нападения османских войск, а литовская армия должна была вернуть в состав Речи Посполитой Правобережную Украину и Подолию⁸. Вместе с этой армией и должны были, очевидно, действовать русские войска. Русская военная помощь должна была обеспечить руководящую роль Великого княжества в войне против османов. Добиться принятия русской стороной этого плана М. Пацу не удалось⁹.

С наступлением в стране в 1673–1674 гг. нового «бескорольевья» была принята новая попытка вернуться к прежним планам. Выработанные в конце 60-х гг. XVII в. условия были предложены другому сыну царя Алексея — Федору, который должен был жениться на вдовствующей королеве Элеоноре — сестре императора Леопольда I. Такие предложения поддерживала и шляхта Великого княжества¹⁰. Алексей Михайлович литовский проект не принял, а выборы завершились избранием Яна Собеского, недавнего победителя османов и лидера группировки, придерживавшейся «про-французской» внешнеполитической ориентации которая была враждебна Пацам и их партии.

⁶ ФЛОРЯ 2018, с. 4–5.

⁷ ФЛОРЯ 2018, с. 6.

⁸ WAGNER 2009, т. I, с. 360.

⁹ ФЛОРЯ 2018, с. 7–8.

¹⁰ ФЛОРЯ 2015, с. 274, 276–277, 284–285.

Пацы и политики их круга утратили те позиции в общественной жизни Речи Посполитой, которые они занимали в политической жизни Речи Посполитой, как важная часть про-габсбургского лагеря. Появились серьезные опасения, что, опираясь на поддержку Франции, Ян Собеский изменит внешнеполитическую ориентацию Речи Посполитой, заключив мир с Османской империей, а затем в союзе с османами начав войну против России для возвращения утраченных украинских земель. Стали распространяться и слухи о планах абсолютистского переворота в Речи Посполитой при поддержке Франции, Османской империи и, возможно, Швеции¹¹.

За избранием Яна Собеского последовала резкая активизация русско-литовских контактов в мае-июне 1674 г. Рассмотрение сведений о них позволяет выяснить, что вызывало беспокойство литовских политиков и чего они ожидали от России.

Начало этим контактам положила инициатива русской стороны. В апреле в руки русских властей попало некое письмо «Келмамет-мурзы Ширинского», содержащее компрометирующие Собеского сведения. Советники царя, Юрий Алексеевич Долгорукий и А.С. Матвеев, отправили латинский перевод текста русскому резиденту в Варшаве В.М. Тяпкину для передачи М. Пацу «и иным сенаторам»¹². 10 мая¹³ В.М. Тяпкин «тайно объявил» этот текст М. Пацу¹⁴. Так дело дошло до попытки практического сотрудничества сторон в борьбе против Собеского. Правда, шаг этот опоздал, к тому времени Ян Собеский уже был избран, и текст нельзя было использовать, как разъяснял резиденту сам М. Пац¹⁵.

Как показывают сообщения русских представителей в Варшаве, первоначальная реакция литовцев на избрание Собеского была очень острой. Показательна реплика такого близкого к М. Пацу лица, как великий писарь Великого княжества Михал Соколинский, что царю следует «сослаться» с императором, чтобы тот не выдавал замуж свою сестру, которую можно было бы выдать замуж за царевича, а если царь «изволит отпустить к ним на королевство сына своего..., то, де, мы можем учинить, сего короля скинем»¹⁶. Как будет показано далее, в выдвигании таких планов М. Соколинский не был одинок.

В иной тональности были выдержаны «речи» второго светского сенатора Великого княжества Марциана Огинского перед приглашенным к нему посоль-

¹¹ Речь идет, разумеется, не о реальных планах Яна Собеского, а о ожиданиях Пацов и их сторонников.

¹² РГАДА, ф. 79, 1674 г., № 8, л. 2–5 (письмо советников М. Пацу от 15 апреля).

¹³ Здесь и далее даты, извлеченные из русских источников, а также даты русских документов указаны по старому стилю.

¹⁴ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 252об.

¹⁵ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 253.

¹⁶ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 239об.

ским переводчиком Семеном Лаврецким¹⁷. Он также говорил, что он и его друзья — враги Собеского, и «тайным обычаем конечно радеть будут, чтоб ево какою ни есть смертью извести». Однако больших надежд на эти усилия воевода троцкий не возлагал, а говорил об опасностях, которыми грозит России избрание Собеского. Он — «великой государству Московскому неприятель» и намерен, заключив мир с Турцией, «самому с частию войска турского и с Крымом конечно итти на Московское государство». При этом М. Огинский заверял, что, если до этого дойдет дело, то он и его друзья будут добиваться на сеймиках, «чтоб на ту войну против государства Московского не давать никаких податей денежных, ни войска единого человека». Все это «говорил воевода, крест целуя с плачем». Здесь важно, что воевода нашел нужным всё это сообщить русскому представителю. Такой шаг говорит, как представляется, о сильном влиянии, которое оказали на образ мыслей литовской политической элиты события русско-польской войны, когда в течение нескольких лет бóльшая часть территории Великого княжества была занята русскими войсками, а затем военные действия шли главным образом на его территории. Здесь хотели избежать повторения такой ситуации, в том числе и с помощью России.

Показательны также советы, которые давал через переводчика М. Огинский. Следовало, чтобы царь «указал зело опасно на Украине ратем своим, буде случатца с корунными войски, поступать», а также королю «явил свою государскую милость и бутто дружбу, ни в чем бы не являлся жесточию». Так, по-видимому, Собеский не получил бы с русской стороны подходящих поводов для начала войны.

В дальнейшем, по-видимому, наступила известная разрядка. Появились надежды, что удастся сохранить мир и прежний внешнеполитический курс и это нашло свое выражение во внешнеполитических контактах. 16 мая литовский канцлер К. Пац предложил В.М. Тяпкину передать в Москву предложения, чтобы русские воеводы на Украине и военачальники Речи Посполитой договорились «о послках и вспоможенье друг другу против общих неприятелей, турских и крымских сил»¹⁸. 18 мая В.М. Тяпкин встретился с группой литовских политиков во главе с М. Пацом (М. Огинский, Хиляры Полубенский, Киприан Павел Бжостовский, М. Соколинский). На встрече от имени этих политиков было заявлено, что Ян Собеский не самодержавный монарх, он «то повинен будет делать и позволять, как они, паны рада и вся Речь Посполита постановет». Если Ян Собеский принесет присягу соблюдать заключенные договоры, то следовало бы, чтобы царь от Собеского «не отдалялся»¹⁹. Когда

¹⁷ Сохранились две записи беседы — в донесении В.М. Тяпкина (РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 240–240^а об.) и в записке, поданной С. Лаврецким по возвращении в Москву (РГАДА, ф. 79, 1674 г., №. 6, л. 9–10).

¹⁸ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 249.

¹⁹ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 254–254 об.

21 мая Собеский принес такую присягу, об этом поспешили сообщить русским представителям «все сенатори»²⁰. После этого М. Пац обратился с письмом к советникам царя, что прежние договоры продолжают действовать и возможно объединение сил обоих государств против «бусурман». У короля — читалось в письме — «не иметь такова в сердце ничего», что могло бы вызывать опасения русской стороны²¹.

На встрече 28 мая М. Пац сообщил, что в Варшаве приняты решения «учинить союз» с императором и царем. Скоро, по его словам, для переговоров об этом приедут в Москву послы Речи Посполитой и императора «о том же союзе трегубом [...] чтоб три государства были заодно. Тогда и турок помиритца вскоре». В Москву послом поедет М. Соколинский или Самуэль Венславский, а это люди, как сообщал В.М. Тяпкин, «милости великого государя нашего желательны, а гетману Пацу zelo блиски»²². 1 июня В.М. Тяпкина пригласил к себе подканцлер литовский Михал Радзивилл, муж сестры Собеского и глава его сторонников в Великом княжестве Литовском, который заверял, что король желает «ссылки» и «союза» с Россией²³. В тот же день состоялась встреча резидента с М. Пацем, который сообщал, что король едет во Львов собрать войско для войны с османами²⁴. 13 июня М. Пац писал А.С. Матвееву, что король принял решение вести войну с османами и татарами совместно с Россией²⁵. Опираясь на известные ему свидетельства, В.М. Тяпкин сообщал в Москву, что король и Речь Посполитая «против турка ныне стоять готовы» и С. Венславский едет в Москву «о подтверждении дружественного союза в войсковых послках и в общем стоянии»²⁶.

Завязавшиеся русско-литовские контакты прервались с отъездом М. Паца на лечение в Теплиц в Силезию. Правда, он поручил поддерживать связи своему конюшему Богдану Ратомскому, и тот, как сообщал В.М. Тяпкин, «бывает у меня часто и о писмах по гетманскому желанию спрашивает безпрестанно»²⁷, но соответствующее «письмо» было отправлено гетману лишь в августе 1674 г. Другие же литовские политики каких-либо контактов с Москвой не поддерживали²⁸.

Если в столичных кругах, откуда черпал информацию В.М. Тяпкин, положение дел выглядело благополучным, а действия ведущих политиков

²⁰ РГАДА, ф. 79, 1674 г., № 6, л. 12. См. также: кн. 160, л. 262 и сл.

²¹ См. письмо М. Паца — Ю.А. Долгорукову и А.С. Матвееву от 1 июня н. ст. — РГАДА, ф. 79, 1674 г., № 8, л. 7–10.

²² РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 263об., 265–266.

²³ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 270об., 273^a.

²⁴ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 273^aоб.–274.

²⁵ РГАДА, ф. 79, 1674 г., № 8. Л. 15–16.

²⁶ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 268–269.

²⁷ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 303об.

²⁸ Так о канцлере К. Паце В.М. Тяпкин писал, что от него «никакова желания к милости государской не показуется и одва когда даст себя видеть» — РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 401об.

согласованы между собой, то в иной среде с иными настроениями оказался С. Лаврецкий, проезжавший через земли Великого княжества во второй половине июля 1674 г.²⁹ В Подляшье он узнал, что послы от поветов, участвовавшие в элекционном сейме, «бегают, в свои маетности не едут, опасаются, чтоб их, також, как в иных поветех, не разсекали». Шляхта не признает королем Собеского и «на сеймиках о том говорят, как бы посполитым рушеньем его отставить». Шляхта боится, что её «вольности» постараются «убавить», «а то все вымысел французской». Отсюда планы, если Собеский утвердится на троне, «себя отдать под защищение великого государя» чтобы царевич Федор был «на Великом княжении Литовском удельным князем».

Конечно, все это были разговоры в низовой среде шляхетского сословия и нет оснований полагать, что к лету 1674 г. литовские политики могли разрабатывать такие планы, но враждебность литовской шляхты по отношению к Собескому и его политике, питавшаяся слухами о планах абсолютистского переворота при поддержке Франции, позволяла М. Пацу рассчитывать на определенную массовую поддержку в случае выступления против политики монарха и поиска сотрудничества с Россией.

Наступившая пауза в контактах была заполнена крупными событиями. В июле 1674 г. русско-украинская армия предприняла поход на Правобережье и осадила сторонника османов правобережного гетмана Петра Дорошенко в его резиденции — Чигирине. В начале июня М. Радзивилл направил своего представителя к русским военачальникам для переговоров о военном сотрудничестве³⁰. Однако, когда на Правобережье пришли крупные силы османов и татар, никаких польских войск в этом регионе, которые могли бы оказать помощь русской армии, не оказалось, и русско-украинская армия была вынуждена отойти за Днепр. Когда об этом стало известно в Москве, это вызвало отрицательную реакцию и атмосферу на переговорах о союзе, которые вел С. Венславский, серьезно ухудшилась.

Отложившиеся в архиве Посольского приказа материалы о переговорах с С. Венславским показывают, что, находясь на лечении, гетман старался влиять на ход переговоров. Среди этих материалов сохранился перевод письма М. Паца посланнику от 23 июля. «Выбивай из головы Москвы подозрение войны от нас», — писал гетман. На такую войну «совершенно не поволит Великое княжество Литовское [...] Всякое безопаство обещаю от нас в Москве, надежность, ходатайствуй до войны против турка»³¹. Таким образом, М. Пац пытался содействовать успеху переговоров о союзе против османов.

Среди материалов переговоров сохранилось и письмо М. Паца от 11 августа такой же направленности. «Промышляй, — писал гетман, — о послилках. Чтоб не через отвращения послилковали, но войском прямым». Посланник

²⁹ См заключительную часть его записки — РГАДА, ф. 79, 1674 г., №. 6, л. 20–24.

³⁰ WAGNER 2009, т. II, с. 45.

³¹ РГАДА, ф. 79, 1674 г., №. 14, л. 386.

должен также добиваться, чтобы русским представителям, которые поедут на комиссию в Андрусово, «чтоб дана была мочь [...], чтоб новый союз учинить против турок и татар»³². Однако, когда М. Пац вернулся в Варшаву 28 августа и его контакты с В.М. Тяпкиным возобновились, позиция гетмана серьезно изменилась.

Контакты возобновились очень быстро. 7 сентября В.М. Тяпкин уже побывал «за столом» у гетмана³³. Гетман жаловался, что не получил ответа на свои письма к А.С. Матвееву³⁴. Возможно, как ответ, А.С. Матвеев 22 августа отправил М. Пацу письмо, в котором, сообщая, что С. Венславского принял в Москве «со всякою настоящею честью», он выражал желание продолжить переписку³⁵.

До отъезда М. Паца из Варшавы в сентябре 1674 г. состоялся ряд встреч резидента и гетмана. Все, что он услышал, резидент внимательно записывал и отправлял донесения в Москву. По-видимому, уже 1 сентября «за столом» гетман сообщил В.М. Тяпкину, что король не разрешил ему ехать с собой во Львов, «чтоб без него с турецким конечно учинить мир», и одновременно заверил резидента, что в Великом княжестве «на государство Московское ни на какое противное намерение отнюдь не позволят» и хотят «крепкого союзу с народом московским»³⁶, очевидно, против османов. Следующая встреча состоялась 2 сентября, когда М. Пац подробно рассказал резиденту о том, что происходило на Правобережье и добавил к этому свои советы. Если Анджей Ольшовский, как официальный представитель Речи Посполитой, добивался от А.С. Матвеева, чтобы царь «нашим войскам указал давать посилков, обще поганых воевати указал»³⁷, то М. Пац советовал задерживать османов на укрепленных позициях у Днепра до глубокой осени, когда «у них все лошади пропадать учнут, а и сами изнурятца»³⁸. Эта разница в предложениях связана с разным отношением к Яну Собескому и его политике. Если А. Ольшовский лояльно поддерживал официальную политику короля, то М. Пац был к политике монарха в резкой оппозиции.

Это стало ясно на встрече, состоявшейся в бенедиктинском монастыре на Праге³⁹. На ней гетман выразил убеждение, что османы и татары пришли на Правобережье «по велению и согласию королевскому», король «совершенно турка и хана научил» напасть на русские войска. Важно при этом, что Пац гово-

³² РГАДА, ф. 79, 1674 г., №. 14, л. 436–437.

³³ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 411об., 415об.–416.

³⁴ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 420.

³⁵ РГАДА, ф. 79, 1674 г., №. 8, л. 17–21.

³⁶ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 417об.–418.

³⁷ РГАДА, ф. 79, 1674 г., №. 8, л. 22, 29.

³⁸ РГАДА, ф. 79, кн. 160, №. 8, л. 423об.–425.

³⁹ Запись беседы — РГАДА, ф. 79, кн. 160, №. 8, л. 423об.–425.

рил и о целях, которые, по его мнению, преследовал Ян Собеский, предпринимая такие действия: когда «московские силы от поганых победы ослабеют [...] тогда он, король, как захочет, так учинит с татары и турки над государством Московским и над ними, поляки». Эти последние слова показывают, что М. Пац разделял опасения литовской шляхты, что Собеский, опираясь на внешнюю поддержку (в данном случае османов и татар) может попытаться «убавить» её «вольности». Такие опасения побуждали М. Паца и политиков его круга искать сотрудничества с Москвой.

В.М. Тяпкин высоко оценил эти высказывания: «Такова человека к милости великого государя желательна и доброхота нет в тамошних краех, что Михайло Пац и близкие его Богдан Ратомской с товарищи»⁴⁰. М. Пацу явно удалось укрепить свои контакты с Россией.

С отъездом М. Паца на войну его контакты с В.М. Тяпкиным прервались. В конце ноября М. Пац принял участие в раде сенаторов в Злочове, где обсуждался план будущей военной кампании. Вместе с другими сенаторами М. Пац подписал обращение к русской стороне с предложением направить к Бугу войска на соединение с польско-литовской армией⁴¹. Тогда же М. Пац обратился с рядом писем к А.С. Матвееву и русским военачальникам — киевскому воеводе Юрию Петровичу Трубецкому, Ю.А. Долгорукову, Григорию Григорьевичу Ромодановскому⁴². Сообщая о выступлении войска в поход «для случения с войском его царского величества», он одновременно заверял: «с наши стороны никаких договоров с турком не было и нет, и война с ним есть подлинная»⁴³.

Результат усилий великого гетмана оказался, как представляется, в данном случае в определенном противоречии с целями, которые он ставил перед собой. Его слова и действия и этого и последующего времени, характеризуют М. Паца, как последовательного сторонника русско-польского военно-политического союза против османов и совместных действий двух армий. Однако его сообщения о тайных переговорах Собеского с османами, его враждебных планах по отношению к России объективно содействовали возникновению ряда препятствий на пути к заключению такого военно-политического соглашения, когда русская сторона начала добиваться различного рода гарантий того, что заключенное соглашение будет осуществлено. Такая линия достаточно отчетливо проявилась на переговорах, которые вел С. Венславский в Москве в сентябре-октябре 1674 г. К переговорам, которые вел С. Венславский, М. Пац на этом этапе также не имел отношения. В материалах переговоров сохранился перевод письма великого референдаря К.П. Бжостовского С. Венславскому, где говорилось, что «суть некоторые в Короне, что желали

⁴⁰ РГАДА, ф. 79, кн. 160, № 8, л. 425.

⁴¹ РГАДА, ф. 79, кн. 166, л. 290–292об.

⁴² РГАДА, ф. 79, кн. 166, л. 300об.–307об.

⁴³ РГАДА, ф. 79, кн. 166, л. 300об.–301.

бы перенести сию турецкую войну и место войне заложить на рубежах литовских»⁴⁴. Очевидно, что референдарий разделял опасения М. Паца относительно планов Собеского.

Одновременно сохранился ряд указаний на стремления М. Паца поддерживать контакты с А.С. Матвеевым. Сохранился перевод письма М. Паца А.С. Матвееву, письмо передал 21 декабря 1674 г. польский резидент в Москве Павел Свидерский. Сообщая об успехах польско-литовских войск в войне с османами («Бар [...] поддался, Могилев с подданством присылает»), он выражал надежду, что весной следующего, 1675 г. произойдет «случение» сил обоих государств⁴⁵. Очевидно стремление литовского магната поддерживать контакты с начальником Посольского приказа и добиваться совместных военных действий. Среди материалов, направлявшихся В.М. Тяпкиным в Москву осенью 1674 г., обнаруживается текст, отражающий пропаганду взглядов М. Паца и круга близких ему лиц. Наряду с выпадами против французов и их «хитрых замыслов» в тексте читалось: «Тош праведныи кождыи, которыи отчизне своей добра хочет, а наипаче той, которой с Московским государством, как слученія в силах, так и любви союза желает, нежели малеваного с турками покою». Такой «праведник» противопоставляется тем, кто, связанные с французами, «Московскому государству толко показывают лицемерныя любви образ». Далее в тексте выражалось пожелание, чтобы Бог дал «премудрость народом московским [...] которые могут от того прилежно остерегание имети и ту французскую и свейскую и прочих злохитрую факцию отличити и победити»⁴⁶.

В М. Паце русский резидент в Варшаве по-прежнему видел ценного союзника. Когда стали распространяться слухи о паническом бегстве русских войск за Днепр перед наступлением османов, он рекомендовал подготовить опровержение и отправить его М. Пацу, а гетман приказал бы «розголосить везде, как о том написано к нему будет»⁴⁷.

Разбирая сведения источников о русско-литовских контактах этого времени, следует остановиться еще на одной группе сообщений, содержащихся в донесениях В.М. Тяпкина. Это посылавшиеся им в Москву советы «сприятствующих особ». В них, судя по всему, следует видеть лиц из окружения литовского великого гетмана. Характерно, что в одном из писем лета 1674 г. резидент так и писал, что «желательных, де, никого нет сенаторей кроме прежних Михаила Паца с товарищи»⁴⁸.

⁴⁴ РГАДА, ф. 79, 1674 г., №. 18, л. 107.

⁴⁵ РГАДА, ф. 79, 1674 г., №. 8, л. 35–36.

⁴⁶ РГАДА, ф. 79, кн. 163, л. 73–73об.

⁴⁷ РГАДА, ф. 79, кн. 163, л. 90.

⁴⁸ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 391.

Советы «доброхотных особ» читаются в донесении В.М. Тяпкина от 4 декабря 1674 г. «Доброхотные особы» призывали, чтобы царь заключил союз с Речью Посполитой и не допустил заключения королем союза с Османской империей против России. Если Собескому удастся заключить такой союз, «тогда в украинских народах верности и надежды не будет» «и швед к союзу склонитца на Московское государство с полскими народы»⁴⁹. Так Собеского изображали, как организатора антирусской коалиции. Такой опасности позволит избежать союз с Речью Посполитой, заключенный, конечно, при участии литовских политиков. Очевидно также, что «доброхотные особы», как и гетман, добивались соединения армий для борьбы с османами⁵⁰.

В сообщениях В.М. Тяпкина важное место занимала информация о непрочном положении нового монарха. Она, конечно, исходила от той среды, с которой резидент поддерживал контакт. Так, уже летом 1674 г. он сообщал в Москву, что сеймики «всюды порозорвались с великим шумом» и «впредь чаять немалого замешанья в том обранье государя». У Собеского в Речи Посполитой «наипаче болше ненавидящих и отнюдь не желательных»⁵¹. В конце лета выяснилось, что один из центров такого недовольства — Великое княжество. Жемайтия, — писал В.М. Тяпкин, — «сказывают, збунтовалось»⁵². Позднее он же писал, что Жемайтия и Ошмянский повет не признают Собеского законным королем. Они обращаются в другие воеводства, предлагая общими силами не допустить коронации Собеского⁵³. В собравшемся для войны с османами войске, как сообщал резидент, многие «рокош и злобу всенародно на королевское величество износят»⁵⁴. Сообщал 3 октября В.М. Тяпкин и о литовском войске: «рокошествуют, без заплаты служить не хотят»⁵⁵. В этих условиях появились и советы «сприятствующих особ», касавшиеся уже не международных дел. Эти люди, — как сообщал В.М. Тяпкин, — советуют «увещевать сена[торов] и посполитую шляхту всю литовскую, притяжающее их к милости государской и обнадеживаючи их от сопротивных помощью и заступлением»⁵⁶. Таким образом, мы имеем свидетельство разговоров с русским резидентом о возможности вмешательства русской власти во внутренний конфликт в Речи Посполитой между литовскими политиками и Собеским и его сторонниками для защиты первых.

⁴⁹ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 630–631.

⁵⁰ Среди материалов, связанных с пребыванием в Москве П. Свицерского сохранилось письмо к нему М. Огинского от 10 октября, в котором предлагалось обратить внимание на опасность польско-османского мира (РГАДА, ф. 79, 1674 г., №. 3, л. 88).

⁵¹ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 325об.–326.

⁵² РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 394об.

⁵³ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 404–405.

⁵⁴ РГАДА, ф. 79, кн. 160, л. 600.

⁵⁵ РГАДА, ф. 79, кн. 163, л. 68.

⁵⁶ РГАДА, ф. 79, кн. 163, л. 100об (письмо А.С. Матвееву от 17 октября 1674 г.).

В сложившихся условиях самовольный уход бóльшей части литовского войска во главе с М. Пацем со службы в конце 1674 г. привлек к себе большое внимание резидента. В начале декабря 1674 г. он писал, что литовские войска «оторвались от королевского величества» «и того ради оторвания у королевского величества з гетманы и меж сенаторы и посполством слышитца великая дифиденция».

И уже в этом первом сообщении, когда резидент не был уверен в правдивости этих сведений, он предлагал «всяческими способы забегать», чтобы привлечь руководителей и «всех полководцев» Великого княжества на русскую сторону⁵⁷.

Далее последовали сообщения, что «литовское войско от короля отступило»⁵⁸, о «бунте» этого войска, когда король «универсалы выдал, чтоб их, литовское войско, везде побивать, где бы по деревням хотели стоять»⁵⁹. Ушедших «подал на росписи, как беглецов от войска, обещався с ними судитца»⁶⁰. 18 декабря В.М. Тяпкин сообщал, что уходом литовского войска «королевское величество до немалого гневу и печали побудили» и резидент снова настоятельно советовал: «Время ныне есть с тем гетманом (речь идет о М. Паце. — Б.Ф.) и прочими советниками чинить ссылки, чрез которые бы получить их все княжество Литовское ко государской милости склонение, а вся сила в дву особах, канцлере да в гетмане и в Михаиле Соколинском, писаре литовском»⁶¹. Однако зимой 1675 г. в Москве таким советам не последовали.

Тем временем между Москвой и Литвой наметилась еще одна линия связей. Литовские политики с большим беспокойством наблюдали начавшуюся близ их земель войну между Швецией и Бранденбургом. В этом конфликте литовские политики (в отличие от Собеского) были не на стороне Швеции. В том же декабре 1674 г. В.М. Тяпкин писал, что «сприятствующие особы» просят «соседственное приятство оказать» императору и другим немецким князьям и выслать войска во Псков чтобы «отвращение учинить свейским войскам»⁶².

Среди материалов, связанных с деятельностью П. Свицерского, сохранился перевод письма, отправленного к нему М. Огинским 16 февраля 1675 г. М. Огинский с беспокойством писал о начавшейся войне, когда шведские войска идут через Жемайтию и Курляндию «с великим всполохом тамтех земель». Он просил П. Свицерского добиваться в Москве, «что есмя хотя б от той стороны безопасны были»⁶³.

⁵⁷ РГАДА, ф. 79, кн. 163, л. 180, 181об.

⁵⁸ РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 5, л. 12.

⁵⁹ РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 5, л. 24.

⁶⁰ РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 5, л. 32–33.

⁶¹ РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 5, л. 74–75.

⁶² РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 5, л. 8.

⁶³ РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 4, л. 39–40.

Постепенно стали приходить важные сообщения о причинах ухода литовского войска. Один из информаторов В.М. Тяпкина православный шляхтич Стефан Сокольский сообщал в январе 1675 г., что литовское войско ушло, «усмотрив в правду болшое склонение его королевского величества к турком и татаром к союзу, нежели к великому государю его царскому величеству»⁶⁴. Это сообщение получило вскоре авторитетное подтверждение. 9 марта В.М. Тяпкина посетил брат гетмана, Бонифаций Пац, (запятая) сообщивший, что гетман с войском покинул короля, так как «принуждал его королевское величество к договорам мирным с поганы на том, что войска с ними купно обратить на Московское государство или на цесаря». Этим весьма важным сообщением дело не ограничивалось. Б. Пац говорил о недовольстве многих сенаторов тем, что Собеский «так хоцет делать, как самодержавный государь». Наконец, «от брата и от себя» он говорил, что они хотели бы видеть на польском троне царевича и это «могло бы [...] с охотою ныне учинитца в Речи Посполитой, пока тот не коронован»⁶⁵.

К сожалению, не сохранилась, относящаяся к первым месяцам 1675 г. переписка М. Паца с А.С. Матвеевым. Ясные указания на её существование имеются в донесениях В.М. Тяпкина. 19 февраля его посетил «ближний человек» гетмана Василий Дорогинич, который сообщил ему «втайне, гетманским именем», что А.С. Матвеев в «листах», посланных к М. Пацу, просил гетмана обсуждать всякие дела с Тяпкиным «через верного человека изустными разговорами»⁶⁶. Позднее посланец «именем господина своего» заверил, что гетман «отнюдь не позволит и к совету такому не склонитца, ежели бы королевское величество мир хотел нарушить и войною Московскому государству грозить»⁶⁷. Вместе с тем в своем донесении В.М. Тяпкин отметил, что не получил из Москвы никаких указаний, о чем говорить с посланцами гетмана. В Москве очевидно не решили, использовать ли и каким образом назревающий в Речи Посполитой конфликт.

Имело, вероятно, значение, что другие литовские политики не шли по пути, намеченному М. Пацем. Литовский канцлер К. Пац, представлявший Речь Посполитую на официальных контактах с В.М. Тяпкиным, последовательно проводил официальную линию, не позволяя себе никаких критических высказываний по адресу монарха. Литовский польный гетман М. Радзивилл со своим войском не присоединился к М. Пацу и продолжал участвовать в военных действиях против османов и казаков Петра Дорошенко. Когда под его командованием была взята Паволочь, он 28 марта известил об этом А.С. Матвеева⁶⁸.

⁶⁴ РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 5, л. 107.

⁶⁵ РГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 103–103об, 105–106об.

⁶⁶ РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 5, л. 154–155.

⁶⁷ РГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 150.

⁶⁸ РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 3, л. 1–1об.

Как показал биограф гетмана К. Бобятыньский, первая половина 1675 г. стала временем направленной против гетмана пропагандистской кампании. Частью этой кампании стали обвинения его в тайных соглашениях с царем о переходе Великого княжества Литовского под русскую власть. Одновременно была предпринята попытка отобрать у гетмана часть находившихся в его держании государственных земель (могилевская экономия). Вместе с тем литовская шляхта поддерживала М. Паца, о чем говорят решения литовских сеймиков⁶⁹.

Все это, как и напряженная внутриполитическая ситуация в Речи Посполитой в целом, находило то или иное отражение в донесениях резидента. В апреле 1675 г. В.М. Тяпкин характеризовал положение в стране, как глубокий внутриполитический кризис. Целый ряд воеводств в разных частях страны «отнюдь» Собеского «за государя имети не хотят и до коронации не допустят». Это — воеводства Краковское, Мазовецкое, Русское, Великая Польша, Великое княжество Литовское. Все они хотели бы видеть на троне царевича, как супруга вдовствующей королевы Элеоноры — «тем способом, как о том с прошлые элекции обноситца и донине». Если царь на это не согласится, Элеонору будут выдавать (при поддержке императора) за шведского короля. Из-за всего этого Ян Собеский «в отчаяние приходит»⁷⁰.

Другим важным источником информации для русского правительства стали сообщения русских гонцов, проезжавших в первых месяцах 1675 г. через земли Великого княжества, где в отличие от находившегося в Варшаве резидента они могли непосредственно судить о положении дела на местах.

В донесениях рисуется достаточно выразительная картина. Василий Тимофеев, проехавший через эти земли в самом начале 1675 г., сообщал, что здесь «воеводства и поветы короля не слушают и листов ево за росказанье во всяких делах не приемлют». Реальная власть в руках у гетмана Паца, «которого имают в нынешних разностях с Короною за примаса княжества Литовского и во всем слушают, а он нам приказывает, чтобы королевских универсалов не слушали». Он даже утверждал, что на раде сенаторов в Варшаве будет обсуждаться вопрос о переходе Великого княжества под власть царя и предлагал отправить на эту раду русского представителя⁷¹. Более сдержанным в оценках был проезжавший через Великое княжество весной 1675 г. П. Возницын, но нарисованная им картина во многом совпадает с тем, что писал В. Тимофеев. Проезжая через земли Великого княжества, П. Возницын уже в пограничной Орше узнал, что во время военной кампании 1673 г. войну вело одно литовское войско, а Собеский «правдиво на тех поган [...] итить не хотел». Поэтому литовское войско не хочет присоединяться к польской армии⁷². Утверждение

⁶⁹ BOBIATYŃSKI 2008, с. 320–322.

⁷⁰ РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 5, л. 331–332.

⁷¹ РГАДА, ф. 79, кн. 172, л. 11–17об.

⁷² ДОМРАЧЕВ 2017, с. 322.

совсем не соответствовало фактам, но его появление показывало настроения в среде литовской шляхты, обеспечивавшее М. Пацу поддержку его враждебной по отношению к господствующей группировке политики. В дальнейшем из разговоров шляхтичей П. Возницын узнал, что они Собеского «не почитают себе [...] за короля, потому что нагло королевство и без позволения вольных гласов княжества Литовского похитил». Гетман с войском не хочет присоединяться к польской армии, так как Собеский хочет «гетмана и прочих нежелательных искоренить»⁷³.

Обобщая полученные в дороге впечатления, П. Возницын писал 17 апреля из Варшавы, что в Великом княжестве ни от кого не слышал, ни от простых людей, ни «от высоких урядников, чтобы Собеского «государем своим и королем [...] хто именовал», и все хотели бы видеть на троне царевича»⁷⁴.

Весной 1675 г. сведения об активных контактах М. Паца с Москвой стали известны сторонникам Яна Собеского и вызвали их беспокойство. 8 мая подканцлер М. Радзивилл, глава сторонников Собеского в Великом княжестве пригласив к себе Возницына, через него предлагал московским политикам (прежде всего А.С. Матвееву) не верить «изменникам его королевского величества и всей Речи Посполитой гетману Пацу», который, уведя с театра военных действий литовское войско, «неприятелем к разорению Коруны полской и всего христианства сердца додал». Не следует верить и обращениям гетмана к царю, когда он «до подданства приобщается»⁷⁵. В действительности таких обращений в Москву от гетмана Паца не было, все основывалось на слухах, бродивших среди литовской шляхты. Поднимая эту тему перед русским гонцом, М. Радзивилл указывал русской стороне на возможность такого развития событий.

Оценке в Москве происходящего конфликта, как очень острого с возможными опасными последствиями содействовали важные заявления, сделанные в Москве королевским посланцем Александром Кладницким на встрече с А.С. Матвеевым 17 апреля. В речи Кладницкого содержались острые выпады против тех, которых «нынешняя война из убожества учинила их господами», а теперь они клеветают на короля, обвиняя его в сговоре с османами. Если при этом никаких имен не называлось, то дальше посланец прямо обвинил М. Паца в том, что тот «отступил», оставив короля в Диком поле, «и войско Великого княжества Литовского отвел». За это король и Речь Посполитая его будут «судить, как наперед сего таких людей старые поляки судили и, Бог весть, удержитца ли на плечах голова его»⁷⁶. Любопытно, что за этим беспрецедентным заявлением не последовали какие-то шаги с русской стороны. Конкретной реакции все эти сигналы весной 1675 г. у русских политиков не вызвали. Соот-

⁷³ ДОМРАЧЕВ 2017, с. 324.

⁷⁴ ДОМРАЧЕВ 2017, с. 354.

⁷⁵ ДОМРАЧЕВ 2017, с. 337.

⁷⁶ РГАДА, ф. 79, 1675 г., №. 8, л. 106.

ветствующие решения были приняты после того, как в июне 1675 г. в Москву возвратился П. Возницын и пришли новые сообщения от В.М. Тяпкина.

В поданной гонцом записке «Поведение полское» он сообщал, что конфликт в Великом княжестве затихает, сенаторы «всякими меры» уговорили гетмана выступить с войском на соединение с польской армией и начались сборы войска. Встретившись 6 июня с Возницыным, гетман Пац предлагал, чтобы русские войско выступили на Украине против «общего неприятеля»⁷⁷.

Сообщения В.М. Тяпкина характеризовали положения дел совсем по-иному. В них говорилось об обострении конфликта короля и гетмана. Король отобрал у гетмана могилевскую экономию и писал к нему «зело суровыми и острыми и зрадливыми укоризнами за то, что он войсками своими не зближаетца до королевского величества»⁷⁸. После получения такого письма «войска задержались и стоят в прежних положениях»⁷⁹. Для московских политиков, несомненно, большой интерес представляли сообщения резидента, что конфликт вызвал беспокойство сенаторов, которые опасаются нового «рокоша», подобного рокошу Ежи Любомирского. Сенаторы просят короля, что он «дал тому своему гневу терпения и покой до вольного часу, а гетману ничем не дражил». Они говорят о заслугах гетмана, «который имел также милость и славу добрую и у посторонних государей». Следует опасаться «чтоб для его единого всего княжества литовского не взбунтовать»⁸⁰. Стоит отметить высокую оценку военно-политических возможностей М. Паца в той среде, с которой резидент поддерживал контакты.

В другом донесении речь шла уже не о тех или иных настроениях в обществе, а о столкновении короля с бóльшей частью политической элиты Речи Посполитой. Возвращаясь к истории с уходом литовского войска, резидент охарактеризовал ее как протест против попыток короля заключить мир с Османской империей и союз против России. Он утверждал, что при этом против короля выступили все коронные и литовские сенаторы и «такого договору учинить з бусурманами не поволители и до коронации ево не допускают». Король хотел короноваться во Львове, но «сенатори, де, корунные во Львов ево не пустили». В Речи Посполитой все хотят видеть на троне царевича Федора. «А наипаче всех желает того гетман литовской, Михайло Пац и во всей Литве о здоровье великого государя Бога молят беспрестанно»⁸¹.

Таким образом, перед царем и его советниками обрисовались две разные картины происходящего и возникал вопрос, какой из них отдать предпочтение. На выбор, как представляется, повлияло то обстоятельство, что итоговая

⁷⁷ ДОМРАЧЕВ 2017, с. 349.

⁷⁸ РГАДА, ф. 79, кн. 163, л. 204.

⁷⁹ РГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 203об.–205.

⁸⁰ РГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 237–238; ф. 79, 1675 г., №. 6, л. 3–4.

⁸¹ РГАДА, ф. 79, 1675 г., №. 6, л. 8–10.

записка П. Возницына содержала ряд сообщений, созвучных сообщениям В.М. Тяпкина. Он сообщал, что война против османов идет неудачно и из-за этого король «Речи Посполитой не угодил, но в большую ненависть пришел». «Он с великим опасением пребывает и живет по крепким в маестностях своих городкам, у которым добрые и верные караулы ставит»⁸².

Что касается Великого княжества Литовского, то П. Возницын, по существу, повторял характеристику, данную в апрельской отписке. «Литва» — сообщал он — Яна Собеского «за великого себе недоброхота почитают и за короля себе не именуют». «Шляхта и весь посполитый народ» царя «за милостивого государя себе именуют, а королевского высочества все [...] явно всякому поношению предают»⁸³.

Поступившие сведения были рассмотрены и решения приняты в начале июля 1675 г., когда подьячий Максим Бурцов был направлен с тайной миссией к М. Пацу. Ему не дано было письменных инструкций, и о данном ему поручении можно узнать лишь из написанного им отчёта.

М. Бурцов должен был просить гетмана, что если Ян Собеский захочет заключить мир с Османской империей и начать войну с Россией, то он бы короля «к такому богуненавистному делу не допускал». Если все же Собеский осуществит свои планы и дело дойдет до войны, то следовало предлагать, чтобы Пац «поддался сам с княжеством Литовским» под власть Алексея Михайловича, а царь «их учнет держать в милости при стародавних их вольностях». Одновременно гонец должен был предостеречь гетмана против сенаторов, в особенности против М. Радзивилла, которые «умышляют ево не толко чтоб от гетманства оставить, но и зло всякое учинить»⁸⁴.

Знакомство с этим документом показывает, что на основе поступивших сведений в Москве пришли к заключению о глубоком внутреннем кризисе Польско-Литовского государства и попытались использовать конфликт между Пацем и Собеским для установления русского протектората над Великим княжеством. Так были бы ослаблены позиции Собеского, как организатора антирусской коалиции. Такие планы закономерно возникали у русских политиков в результате более близкого (чем ранее) знакомства с состоянием внутривнутриполитической жизни Речи Посполитой, когда происходившие столкновения группировок, невозможные в русской политической жизни, стали вызывать ожидания острых вооруженных конфликтов и скорого распада этого государства. В ложности таких ожиданий русским политикам пришлось вскоре убедиться.

Конфликт между М. Пацем и Собеским, хотя и достаточно острый, к лету 1675 г. стал затихать, о чем, по-существу, сообщал и П. Возницын. В условиях надвигавшейся войны с османами влиятельные политики прилагали усилия,

⁸² РГАДА, ф. 79, кн. 173. с. 346.

⁸³ РГАДА, ф. 79, кн. 173. с. 347.

⁸⁴ РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 9, л. 53–55; кн. 176, л. 17об. и сл. (шифр текст), л. 63 (расшифровка).

чтобы не допустить обострения конфликта. В качестве посредников выступили влиятельные члены клана Пацов — виленский епископ М.С. Пац и в особенности канцлер К. Пац, специально с этой целью посетивший короля в Яворове⁸⁵. Имело значение и то, что, если представления короля и гетмана о будущей политике Речи Посполитой существенно расходились, в краткосрочном плане их цели совпадали. Ян Собеский принимал меры по защите страны от османов, и М. Пац не мог возражать против этого. Планам его и его лагеря отвечала и поездка в Москву Александра Кладницкого хлопотать о соединении армий для борьбы с османами. Заключение такого соглашения М. Пац стремился содействовать. 24 мая 1675 г. он предлагал П. Свидерскому «выбить из головы» московских собеседников «ненадежность и недоверку». Следует объяснить, что это враг специально распространяет ложные известия о скором мире между Речью Посполитой и Османской империей, но мы «неприятельски с салтаном и ханом поступаем, и ныне желаем с господами московскими слученя сил»⁸⁶. Из Мереча, где гетман в июле 1675 г. готовился к походу против османов, он 20 июля писал А.С. Матвееву, призывая к соединению армий⁸⁷. В начале августа он сообщал, что идет с войском к королю, «хотя зело нужными переправами», и просил о нападении русских войск на Крым⁸⁸.

Возможно, таким сигналам в Москве не придали значения под впечатлением исходивших от официальных лиц обвинений гетмана М. Паца в «измене». Это позволяло думать, что гетман обратится в Москву, не имея другого выхода. Здесь не понимали, что в Речи Посполитой такие обвинения не обладали такой силой, как в Москве.

Имели значение и сообщения гонцов о всеобщей враждебности шляхты и простых людей Великого княжества к Собескому и их желании перейти под русскую власть. О враждебности литовской шляхты к Собескому в середине 70-х гг. XVII в. говорят и другие источники. Однако из этого автоматически не вытекало согласие перейти под русский протекторат. Такие стремления были, вероятно, присущи тому достаточно ограниченному кругу лиц, которые сообщали гонцам о таких желаниях, создавая ложное впечатление об общем желании и шляхты, и «посполства». Неудивительно, что в этих условиях миссия М. Бурцова не могла привести к успеху.

М. Бурцов уже по дороге в Могилеве узнал, что король, М. Пац и М. Радзивилл «через пересылку подлинно помирились»⁸⁹. Но позднее, когда он добрался до Минска, ему стало известно, что местные жители «умирение гетманское [...] ставят ныне в сундительство» и даже «единодушно о его, великого государя,

⁸⁵ BOBIATYŃSKI 2008, с. 323–324.

⁸⁶ РГАДА, ф. 79, 1675 г., №. 4, л. 218–220.

⁸⁷ РГАДА, ф. 79, 1675 г., №. 3, л. 9, 278.

⁸⁸ РГАДА, ф. 79, 1675 г., №. 3, л. 308–309.

⁸⁹ РГАДА, ф. 79, 1675 г., №. 9, л. 43.

[...] имени волают», и решил исполнить данное ему поручение⁹⁰. Встреча с гетманом состоялась в Бресте в середине августа 1675 г. Сделанные предложения гетман отклонил, заявив, что не будет «на такой старости изменник». Он разъярял гонцу, что когда-то у Собеского были планы войны с Россией, «за что и ссора с королем возбудилась было», но это все в прошлом, а сейчас все (и в их числе М. Пац) идут на войну с османами и нуждаются в русской помощи⁹¹.

Попытка соглашения с М. Пацем не удалась, но и ему не удалось добиться соединения армий для борьбы с османами. Обеспокоенное сообщениями того же М. Паца о враждебных планах Яна Собеского и донесениями Тяпкина о внутренних раздорах в Речи Посполитой, русское правительство на переговорах 1675 г. связывало «случение» армий с целым рядом условий, которые польско-литовская сторона не смогла выполнить. Соединение армий не состоялось, и таким положением дел М. Пац был очень недоволен.

Встретившись во Львове с В.М. Тяпкиным, он разными способами выражал свое недовольство. Так, «в полате при многих людех» он говорил о бездеятельности русских войск, собравшихся в Киеве, которые явно боятся противника — «и есть ли, де, хотя один татарин побежит под Киев, и они от него все схоронятца»⁹². На встрече с резидентом 31 августа (уже без свидетелей), гетман «острыми словами нарекал» на пассивность русских войск и говорил, что из этого «кроме самые великие недружбы и войны ничего доброго не уростет»⁹³. Гетман предпринимал усилия для соединения армий. 3 сентября из обоза под Сокалем он писал Ивану Самойловичу, вспоминая «давние пересылки», сообщал о своем прибытии во Львов и просил сообщить, «которою дорогу поидешь и как скоро наступит случение»⁹⁴. 29 сентября из обоза под Брежанами он писал Г.Г. Ромодановскому о поражениях «бусурман» и призывал соединить войска для «скорого бою»⁹⁵. 19 октября М. Пац еще раз писал И. Самойловичу, призывая его поскорее прийти к Каменцу-Подольскому⁹⁶.

В этом плане М. Пац действовал в унисон и с коронным гетманом Д. Вишневецким и со своим главным оппонентом в Великом княжестве М. Радзивиллом. Как и другие военачальники, М. Пац не касался вопроса о гарантиях,

⁹⁰ РГАДА, ф. 79, 1675 г., №. 9, л. 39, 41; кн. 176, л. 13–14. Пообщавшись с членами православного братства в Минске, от писал, что православные, «не могуще блюзнерства шляхетского и шаткости их и своевольства терпети», хотя перейти под русскую власть (РГАДА, ф. 79, кн. 176, л. 11об. 12, 15).

⁹¹ РГАДА, ф. 79, кн. 176, л. 57–60.

⁹² РГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 352–353.

⁹³ РГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 360–361.

⁹⁴ РГАДА, ф. 229, оп. 2. кн. 38, л. 108об.–109об.

⁹⁵ РГАДА, ф. 229, оп. 2. кн. 38, л. 245об.–246об. В тексте упоминается его более раннее обращение к русскому командующему при выступлении в поход.

⁹⁶ РГАДА, ф. 229, оп. 2. кн. 38, л. 273–274об. (прислал из Львова В.М. Тяпкин).

которых добивалась русская сторона, и поэтому его обращения также оказались безрезультатны. В русско-литовских контактах наступило охлаждение.

В отношениях между Литвой и Коронай сохранялось известное напряжение, о чем говорит разговор гонца Г.Г. Ромодановского И. Беника с литовским полковником Казимежом Клокоцким. В ответ на вопросы о том, почему так поздно пришло под Львов литовское войско, полковник объяснял, что король и коронные гетманы хотели заключить мир с османами и «ити [...] войною под Киев», но М. Пац заставил их отказаться от такого соглашения и тогда произошло соединение войск⁹⁷. Налицо и сохранение в литовском войске представления о антирусских планах Собеского и высокая оценка поступков гетмана.

В условиях совместной борьбы против османов произошло некоторое сближение короля и гетмана. В конце сентября львовский епископ Иосиф Шумлянский сообщал В.М. Тяпкину, что «несогласия» между королем и М. Пацом прекратились «и до великой верности и ближнего советования приходят»⁹⁸.

Однако уже через несколько дней В.М. Тяпкин смог сообщить в Москву о начавшемся споре литовских гетманов М. Паца и М. Радзивилла⁹⁹, когда польный гетман — муж сестры короля отказался подчиняться власти старшего коллеги и добивался разделения войска¹⁰⁰. В споре М. Пац апеллировал не только к литовской, но и коронной шляхте. В споре гетмана объявили «изменником», утверждали, что он препятствовал военному союзу с Россией и хотел передать Слуцк под русскую власть¹⁰¹. Собранные в данной статье материалы позволяют характеризовать эти утверждения как тенденциозный вымысел.

По-видимому, некоторое время спустя М. Пац смог убедиться, что за этим спором стоит королевская власть. Поздней осенью 1675 г. В.М. Тяпкин смог переслать в Москву текст важного документа. Это были «пункты новые королевского величества рады тайные, которая ныне в обозе учинена»¹⁰².

Решения «тайной рады»¹⁰³ предусматривали ряд важных перемен в политическом строе страны. Согласно 5 ст., отменялось «*liberum veto*». Предусматривалось право короля начинать и заканчивать войну и созывать по своему усмотрению «посполитое рушение» — дворянское ополчение (ст. 3, 6). Особенно важным было установление ст. 4, что сбор налогов должен осуществляться «за уневерсалами, с рады сенаторей его королевского величества выданными», а не по решению Сейма или сеймиков, «под казнию отсуждения маетностей». Статья 8 документа предусматривала что «следует войну в Прусы перенести со общими

⁹⁷ РГАДА, ф. 229, оп. 2. кн. 38, л. 241об.–242.

⁹⁸ РГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 393об.

⁹⁹ РГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 399об., 400об., 425–426.

¹⁰⁰ О споре см.: *WOBIATYŃSKI* 2008, с. 331–333.

¹⁰¹ *WOBIATYŃSKI* 2008, с. 332.

¹⁰² РГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 403.

¹⁰³ Их текст см.: РГАДА, ф. 79, 1675 г., №. 6, л. 276–279.

с шведы силами». Уже наличие этой статьи говорит о том, что такие решения были приняты на «тайном» съезде сторонников Собеского. Содержание «статей новых рады» были ощутимым свидетельством справедливости опасений литовских политиков и шляхты, что Собеский хочет «убавить» их вольности.

Некоторые из статей были прямо направлены против М. Паца. В 9 ст. документа указывалось: «Войско Великого княжества литовского отложить, потому что некому верить, а иных нанимати». В сохранившемся другом переводе читается текст более определенный: «Литовское войско отставить, потому что им нельзя доверивати, а имати б с них дань на собирания войска»¹⁰⁴. Таким образом, речь шла о ликвидации литовской армии и о сборе с населения Великого княжества средств, на которые монарх набирал бы армию по собственному усмотрению и поручал командование ею своим людям.

В ст. 10 документа читалось: «Посох, печать и булавы дабы всё едино было». В приписке к этому тексту В.М. Тяпкин пояснил: это означает, чтобы в Литве и Короне «польных гетманов и подканцлеров, и маршалков надворных чтобы уже николи не было»¹⁰⁵. При создании новых, «единых» должностей король мог бы также занять их «своими» людьми, устранив неугодных. И это решение прямо угрожало интересам М. Паца.

В самом конце 1675 г. В.М. Тяпкин известил А.С. Матвеева, что коронация Собеского назначена на 10 февраля 1676 г. Сложившееся положение резидент оценивал как напряженное. Так, он передавал слухи о том, что на трон претендует муж королевы Элеоноры Карл Лотарингский. Он готов выступить в поход с немецким войском, а ему «сприятны суть народы великопольские и поморские, мазовецкие и литовские»¹⁰⁶. По стране ходили и тревожные слухи о планах Яна Собеского. Как сообщал в Москву В.М. Тяпкин, «по факциям тайным» король «тайно союз с турки и татары имеет, от которых себе и на коронации от всяких трудностей успокоения надеетца»¹⁰⁷.

Когда в такой ситуации М. Пац узнал о «статьях новой рады», нетрудно было прийти к выводу, что эти решения и будут осуществляться силой при поддержке османов и татар. Неудивительно, что в конце 1675 г. М. Пац стал искать военной помощи в России. В декабре 1675 г. его доверенный человек Богдан Ратомский посетил гетмана И. Самойловича. Содержание имевшей место беседы гетман поспешил сообщить в Москву¹⁰⁸. Посланец обвинял Собеского в том, что тот хочет заключить мир с Османской империей и начать войну против России, а когда М. Пац и Дмитрий Вишневецкий стали противодействовать таким планам и отказались взять от него французские деньги, у него

¹⁰⁴ РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 6, л. 300.

¹⁰⁵ РГАДА, ф. 79, 1675 г., № 6, л. 279.

¹⁰⁶ РГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 442.

¹⁰⁷ РГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 444.

¹⁰⁸ См. его письмо от 28 декабря 1675 г. — РГАДА, ф. 229. оп. 1, № 230, л. 33–38.

появилась к ним «великая ненависть». Посланец обвинял короля и в том, что во время войны с османами он «допустил нарочно разорять» владения Д. Вишневецкого, чтобы тот, «обеднев, просил у него милости». Такое обвинение ясно показывает высокий градус напряженности в отношениях между королевским лагерем и оппозицией. Важно, что в письме в вину Собескому ставились не только его внешнеполитические планы. Король, — как говорил посланец, — намерен «права наши римския и вольности шляхецкие ломать» и, в частности, хочет отобрать у М. Паца воеводство и гетманство, чтобы передать их своему шурину. Эти высказывания посланца, думается, определенно говорят о том, что М. Пац познакомился со «статьями новой рады».

М. Пац просил у Самойловича военной помощи в случае, если бы он «имел соппротивитись с Великим княжеством Литовским в том деле королевского величества хотенью». Стоит отметить уверенность гетмана, что в случае конфликта он может рассчитывать на поддержку Великого княжества. К тому времени, когда Б. Ратомский находился у Самойловича, относится и сообщение, что М. Пац с Украины «литовские войска велел свести и поставить на границы литовской в разных городех для бережения, опасаячися королевского величества»¹⁰⁹.

В начале 1676 г. состоялась коронация Яна Собеского, а затем собрался коронационный сейм, принявший ряд важных решений. Все это наложило свой отпечаток на отношения между разными частями политической элиты Речи Посполитой. Коронация, несомненно, укрепила положение Яна Собеского как законно избранного монарха, и слухи о переменах на троне прекратились. Вместе с тем не оправдались опасения литовских политиков, что Собеский будет пытаться «уменьшить» их «вольности». Никаких попыток осуществить планы «новой рады» король не предпринял. Напротив, ряд принятых решений был благоприятен для М. Паца. Так, великим гетманом коронным стал близко связанный с М. Пацом Д. Вишневецкий. В марте был урегулирован спор литовских гетманов¹¹⁰. Как сообщали в Москву, было предложено «всем удовлетись старым правом»¹¹¹, что, конечно, устраивало великого гетмана литовского. Как сообщал В.М. Тяпкин, М. Пац опирался на поддержку коронного и литовского войска («стоят крепко и во всем его правят»), а также коронной и литовской шляхты¹¹². Имело значение и то обстоятельство, что ближайшие планы Собеского — подготовка к войне с османами и поиски военного союза с Россией никак не противоречили планам литовских политиков. Неслучайно на коронационном сейме М. Пац подчеркивал свою преданность Яну III¹¹³. Правда, в феврале 1676 г.

¹⁰⁹ АЮЗР, т. XII, № 123, стб. 371.

¹¹⁰ *WOBIATYŃSKI* 2008, с. 337–338.

¹¹¹ РГАДА, ф. 79, 1676 г., № 4, л. 101.

¹¹² РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 156, 163об.–164.

¹¹³ *WOBIATYŃSKI* 2008, с. 335.

М. Пац жаловался русскому резиденту, что и его, и М. Огинского обвиняют в том, что они получили от В.М. Тяпкина большие суммы денег, «чтоб Великое княжество Литовское учинили в подданстве» у Алексея Михайловича¹¹⁴. Однако, как представляется, сам королевский двор не придавал таким слухам серьезного значения. Именно М. Пацу вместе с канцлером К. Пацом было поручено в марте 1676 г. обсудить с русским резидентом вопрос о военном союзе с Россией.

В январе 1676 г. В.М. Тяпкину из Москвы был послан проект соглашения о совместных действиях против османов. Предполагалось, что царь уже в апреле направит свои войска на Крым, а король направит войска «к Дунаю и за Дунай», чтобы султан не мог оказать помощи хану¹¹⁵. Вероятно, предполагалось, что договоренность могла быть закреплена решением коронационного сейма.

Положение дел обсуждалось в марте на ряде встреч с резидентом. 1 марта в такой встрече участвовали К. и М. Пацы, М. Огинский, А. Сапега, М. Радзивилл, Х. Полубенский, подканцлер коронный и 8 членов Посольской избы¹¹⁶. 4 марта состоялась его встреча с К. Пацом¹¹⁷, а 9 и 10 марта встречи с К. и М. Пацами¹¹⁸. Представители польско-литовской стороны сразу сообщили, что русский план действий не может быть принят. Во-первых, потому, что войско можно будет собрать лишь летом «на Рожество Иоанна Предтечи»; во-вторых, потому, что Речь Посполитая нуждается в поддержке русских войск для отражения наступления османов и необходимо соединение двух армий¹¹⁹. На последующих встречах у резидента добивались принятия этих предложений.

Записи переговоров М. Паца с резидентом показывают, что он продолжал быть сторонником совместных военных действий двух государств против османов. Уже на встрече 1 марта он просил через резидента, «чтоб великий государь [...] ныне на весну указал дать посылки против неприятеля»¹²⁰. На встрече 10 марта он говорил резиденту, что король готов дать в доказательство верности любых заложников, «хотя сына своего», только бы царь «изволил верить [...] и войска соединить»¹²¹. Имело место и другое важное заявление. Ссылаясь на то, что он дал доказательства того, что он «обоим великим государем правдою всякого добра» желает, он просил царя поверить, что «конечно самую ныне истинною правдою его королевское величество и Речь Посполитая проискивают и желают его государские милости и помочи без всякие хитрости»¹²². Как представляется,

¹¹⁴ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 156, 116–117.

¹¹⁵ РГАДА, ф. 79, 1676 г., № 4, л. 8–16.

¹¹⁶ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 126об.

¹¹⁷ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 132.

¹¹⁸ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 138 и сл.; л. 144 и сл.

¹¹⁹ См. записи переговоров 3 марта — РГАДА, ф. 79, 1676 г., № 7, л. 13–14; РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 128об.–130; 10–11 марта — РГАДА, ф. 79, 1676 г., № 7, л. 15–20; кн. 178, л. 138–155об.

¹²⁰ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 107об.–107об.

¹²¹ РГАДА, ф. 79, 1676 г., № 7, л. 18; кн. 178, л. 149.

¹²² РГАДА, ф. 79, 1676 г., № 7, л. 19–20; кн. 178, л. 151–151об.

именно учитывая московские связи М. Паца, король привлек его к участию в переговорах, рассчитывая с его помощью добиться заключения соглашения.

19 марта состоялась еще одна встреча резидента с К. и М. Пацами. Литовские политики обратились «с великим прошением» о соединении войск и заявили, что если этого не произойдет, Речь Посполитая будет вынуждена заключить мир на условиях продиктованных османами¹²³. В этом плане литовские политики действовали в согласии с Собеским.

Дело, однако, в иных отношениях обстояло по-другому. Характерно, что на встрече 1 марта М. Пац нашел нужным сообщить, что он «говорит своей братье, что вы отнюдь не устращите великого государя московского татарскими, а ни турецкими силами»¹²⁴. Появление такого заявления, вероятно, связано с тем, что на переговорах в Жолкве затрагивался вопрос о заключении после установления мира с Османской империей польско-османского договора, направленного, в частности, против России¹²⁵. Такая перспектива, понятно, литовских политиков не могла устроить.

Весной 1676 г. распространились, по-видимому, и слухи о переговорах Яна Собеского со Швецией, когда обсуждался вопрос о польско-шведском союзе, направленном против России и против Бранденбурга¹²⁶. В письме, отправленном А.С. Матвееву 29 апреля, В.М. Тяпкин писал, что вскоре будет заключен мир Речи Посполитой с Османской империей при участии французских дипломатов, а затем король вступит в европейский конфликт на стороне Франции — нападет на «Цесарскую и Прусскую землю», а когда эта война завершится победой, «обратит» войска «за помощью и послылками французскими и швецкими на Московское государство»¹²⁷. В другой части письма резидент выражал убеждение, что мир России с Речью Посполитой сохранится лишь «пока перемирные лета не выйдут», а затем Собеский начнет войну при поддержке Франции и Швеции¹²⁸. Все эти сведения В.М. Тяпкин, надо полагать, почерпнул от «приятствующих особ» — литовских политиков круга М. Паца и их приближенных. Рисовавшаяся перспектива войны с ближайшими соседями Великого княжества вряд ли могла их радовать. Впрочем, все это имело определенное значение в будущем, а летом-осенью 1676 г. разные силы в Польско-Литовском государстве объединялись чтобы дать отпор новому наступлению османов.

В начале сентября 1676 г. основная армия Великого княжества во главе с М. Пацом соединилась с коронной армией во главе с Яном Собеским (а войска литовских сторонников Собеского запоздали) и оба войска совместно сража-

¹²³ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 160–161.

¹²⁴ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 123об.–124.

¹²⁵ WÓJCIK 1976. S. 52.

¹²⁶ KOMASZYŃSKI 1983, с. 27.

¹²⁷ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 209–209об.

¹²⁸ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 218об.

лись против османов в укрепленном лагере около Журавно. В этой связи биограф М. Паца говорит о его тесном сотрудничестве с королем¹²⁹.

Несколько иную картину рисуют сообщения, поступавшие в Москву. Перед началом военных действий В.М. Тяпкин 21 июня писал А.С. Матвееву, что «блиско показываются те поступки, чрез которые рокош или войсковая связка будет». Среди областей, население которых недовольно монархом, он упоминал и Великое княжество¹³⁰. Уже во время осады лагеря у Журавно он сообщал, что король отказался собирать «посполитое рушение», «опасаючи, чтоб посполство, собрався, не учинили бунтов, с королевства не ссадили», а в одном лагере с гетманами король оказался, «чтоб гетманы с войски не учинили против его королевского величества связки, какова была при Яне Казимире»¹³¹.

Об отношении в осадном лагере литовского войска к своему монарху говорят сообщения, поступавшие из разных источников. В ноябре 1676 г. к воеводам в Смоленск Назарий Краевский¹³² привез письмо троцкого воеводы М. Огинского его доверенному слуге Августину Константиновичу, где сообщалось, что король выступил с войском, «не дождався» М. Паца, и тому пришлось одному сражаться с османским войском¹³³. В двух письмах из лагеря этот сюжет излагается с резкими высказываниями по адресу монарха. В одном говорится, что именно Пац бился с турками и если бы следовали его советам, то «ни нога турецкая не ушла, а король ево за то желательство к отчизне за неприятеля почитает», а в другом читалось, что король отказал гетману в помощи, сказав: «буде хочет, пусть бьется»¹³⁴. Более того, в обоих текстах рассказывалось, что король устроил бегство к османам пушкаря, который «все станы обозу литовского видел» и после этого лагерь литовского войска подвергся сильному обстрелу османской артиллерии. Этот рассказ достаточно выразительный сам по себе в одном из текстов сопровождался комментарием, что король поступил так, «жалая [...] орды и турков, чтоб дружбы их в далее времен не нарушить»¹³⁵. В Москве, таким образом, располагали свидетельствами об отрицательном отношении литовского войска к Собескому и о его высокой оценке своего гетмана. Было очевидно, что в случае столкновения с королем гетман может рассчитывать на поддержку этого войска.

Военная кампания завершилась, как известно, в октябре 1676 г. заключением мирного соглашения между Речью Посполитой и Османской империей. В этих условиях становился актуальным вопрос, станет ли Собеский осущест-

¹²⁹ ВОБИАТУЊСКИ 2008, с. 342–343.

¹³⁰ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 275об.–276об.

¹³¹ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 343–343об.

¹³² О нем см. КОЧЕГАРОВ 2008, с. 51–52.

¹³³ РГАДА, ф. 79, 1676 г., №. 1, л. 10.

¹³⁴ РГАДА, ф. 79, 1676 г., №. 5, л. 197, 216.

¹³⁵ РГАДА, ф. 79, 1676 г., №. 5, л. 197, 216.

влять те внешнеполитические планы, о которых оживленно говорили уже на рубеже 1675/6 гг.

Вопрос об этих планах продолжал обсуждаться и во время военных действий. В конце сентября В.М. Тяпкин сообщал о намерениях короля после заключения мира вступить в войну с императором и его союзниками и одновременно «хана крымского с ордами обратить [...] на государство Московское», чтобы оно не могло помочь прогабсбургской коалиции. Великое княжество Литовское выступает против таких планов, но в окружении Собеского «за ничто их противность ставят, покладаячи себе великую надежду и оборону в великих силах короля французского и салтана турецкого»¹³⁶.

Неудивительно, что заключение мира было воспринято русским резидентом, как появление серьёзной опасности для России. Сообщения, которые В.М. Тяпкин отправлял поздней осенью 1676 г., представляют двойной интерес — и как информация, влиявшая на политику русского правительства, и как отражение представлений о планах Собеского в той среде (прежде всего литовской), с которой резидент поддерживал контакты.

Уже 20 октября он сообщал, что в мирном договоре зафиксировано обещание османской стороны помогать Речи Посполитой «противо всякому неприятелю», предоставив любое количество войск «без всякого закладу и заплаты». Речь шла на переговорах и о совместном походе османских и польско-литовских войск на Левобережье. Ответ на эти предложения должен был дать сейм. Хотя решение вопроса отложено до созыва сейма, — писал Тяпкин, — «уж взял его королевское величество над всем своим государством силу и мочь свою тем соединением не токмо турецким, но паче татарским». Если на сейме Великое княжество Литовское выступит против военных планов Собеского, то «теми убо татарскими силами загрозит им королевское величество и склонит их на свою волю»¹³⁷. В конце ноября он снова сообщал в Москву, что у короля «татаровя закуплены и яко псы на своре всюды готовы», в том числе и против тех, «которые бы на сейме противни факциям были»¹³⁸. Эти сообщения показывают, что в среде, с которой общался В.М. Тяпкин, существовали опасения, что после заключения мира Собеский осуществит в стране политический переворот, опираясь на вооруженную помощь османов и татар.

Иностранные дипломаты во многом оценивали положение дел сходным образом. Так, о планах Собеского совершить абсолютистский переворот при поддержке татар сообщал ещё в августе 1676 г. австрийский резидент в Стамбуле Иоганн Кристоф Киндсберг¹³⁹, а в октябре 1676 г. папский нунций Франческо Мартелли сообщал о планах Собеского начать войну с Россией в союзе с

¹³⁶ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 327об.–328.

¹³⁷ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 390–390об.

¹³⁸ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 424, 427.

¹³⁹ WÓJCIK 1976, с. 61.

Крымом. Мартелли полагал, что такое решение встретит сопротивление представителей Великого княжества¹⁴⁰.

На выступление литовских политиков против планов войны с Россией рассчитывал и В.М. Тяпкин. Он считал, что на принятие такого решения «Пацы, канцлер и гетман, конечно, не позволят» и советовал их наделить «государским милостивым награждением многим»¹⁴¹. Характерно объединение в этом тексте и М. Паца с его доверительными контактами с резидентом, и К. Паца, контакты с которым были подчеркнута официальными. Очевидно, он полагал, что перед угрозой войны эти два влиятельных политика объединят усилия, чтобы этого не допустить. В ноябре он писал в письме, адресованном в Посольский приказ, что Пацы в Литве «владельцы зело, и королевскому величеству они зело в том не позволяют и спорят крепко, чтоб не чинил войны с нами». Надо также, — предлагал он, — установить контакты с М. Огинским, а также со сторонниками Собеского в Великом княжестве — А. Сапегой и Х. Полубинским, так как «их лутчие все маетности при самых рубежах» и война с Россией принесла бы им разорение. Правда, резидент полагал, что «всех лутче и надежнее Пацы и воевода троцкой»¹⁴², но очевидно его убеждение, что все Великое княжество объединится против Собеского, чтобы не допустить войны с Россией.

В ноябре 1676 г. русский гонец Прокофий Возницын записал разговоры литовских шляхтичей, возвращавшихся из лагеря под Журавно. Шляхтичи рассказывали, что на мирных переговорах османы требовали помощи в будущей войне с Россией и король «приобещал в помочь войска десять тысяч», но гетман Пац «никакими мерами того не позволил». После этого король не пригласил гетмана «к постановлению тех договоров», «и учинены те договоры без согласия гетмана и войска»¹⁴³. Это еще одно свидетельство враждебного отношения литовского войска к своему монарху и его доверия по отношению к своему гетману. Эта связь явно скреплялась опасениями перед перспективой войны с Россией.

Что такая перспектива воспринималась как вполне реальная, говорили и попадавшие в Москву свидетельства из литовской среды. Выше уже упоминалось написанное осенью 1676 г. письмо М. Огинского своему доверенному слуге Августину Константиновичу. Извещая слугу о заключении мира, троцкий воевода писал: «то, де, пиво приходит пить им, княжству литовскому, и будет, де, литовское войско пойдет к русским краям, и он бы, Костентиневич, двор его укрепил»¹⁴⁴.

Если М. Огинский, как видно из письма, с беспокойством воспринял происходящее, то Пацы были намерены активно препятствовать военным планам

¹⁴⁰ WÓJCIK 1976, с. 80.

¹⁴¹ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 394-а.

¹⁴² РГАДА, ф. 79, 1676 г., №. 5, л. 200–200об.

¹⁴³ РГАДА, ф. 79, кн. 181, л. 32–32об.

¹⁴⁴ РГАДА, ф. 79, 1676 г., №. 1, л. 12.

Собеского. Так, относительно планов войны с Бранденбургом К. Пац обещал поддержку курфюрсту от имени всей семьи, а М. Пац заявил бранденбургскому резиденту Иоганну Ховербеку, что готов выступить против таких планов вместе с литовской армией¹⁴⁵. Русскому резиденту таких заявлений М. Пац не делал, но предпринял ряд шагов для сохранения мира с Россией.

М. Пац воспользовался приездом во Львов для переговоров о соединении армий гонца гетмана Самойловича Бориса Моршевского. Произошло это уже после заключения мира, но гетман воспользовался этим для возобновления контактов с правителем Левобережья. Сообщая в грамоте от 1 ноября 1676 г. о том, что его предложение не актуально, так как заключен мир с османами, М. Пац заканчивал её словами: «Во мне никогда не угаснет брацкая с вашей милостью дружба и упование»¹⁴⁶. Речь шла, однако, не только о возобновлении контактов. Б. Моршевский в отчете о поездке в Посольском приказе отметил важный разговор на встрече с М. Пацом, в котором участвовали воеводы — русский Станислав Яблоновский, серадзский Феликс Потоцкий. В этом разговоре говорилось о том, что, хотя договоры с османами заключены, но «егда надежны были на весну царского величества нам послилки, тогда бы мы их сызнова разорвали»¹⁴⁷. Вскоре Б. Моршевский покинул Львов, но таким заявлением дело не ограничилось. 13 ноября из Бреста М. Пац отправил к Самойловичу своего конюшого Б. Ратомского, выполнявшего для гетмана самые важные и секретные миссии¹⁴⁸. Текст инструкции Б. Ратомскому¹⁴⁹ представляет собой весьма важный документ. Гетман предупреждал, что Русскому государству предстоит война с османами и одновременно выражал желание сражаться против османов вместе с русскими войсками — «желаю быть готовым от тое стены и в пору вывести войска, доколе бусурманин не утвердится на Украине, скоро бы наступить на него, от нас помешки не будет». В другом месте инструкции гетман советовал «послов на сейм, чтоб царское величество послал, надобно и утвердил надежную дружбу». Очевидно, послы должны были добиться заключения союза против османов. Однако между Речью Посполитой и Османской империей был заключен мирный договор, о котором в инструкции ничего не говорилось. Ясность вносит сообщение Самойловича царскому посланцу кн. Ивану Волконскому о предложениях Паца: «естли, де, им от твоих, великого государя, ратных людей помочь будет, и они, де учиненной с турским салтаном договор разорвут»¹⁵⁰. Об этом, как представляется, шла речь на переговорах Б. Моршевского с М. Пацом и другими сенаторами.

¹⁴⁵ ВОБИАТЫŃSKI 2008, с. 354–355.

¹⁴⁶ РГАДА, ф. 229, оп. 1, №. 119, ч. 1, л. 75–77.

¹⁴⁷ РГАДА, ф. 229, оп. 1, №. 119, ч. 1, л. 132.

¹⁴⁸ Текст грамоты М. Паца см. РГАДА, ф. 229, оп. 1, №. 119, ч. 1, л. 139–140.

¹⁴⁹ РГАДА, ф. 229, оп. 1, №. 119, ч. 1, л. 141–143.

¹⁵⁰ АЮЗР, т. XII, № 220, стб. 839.

Так обрисовываются контуры разработанного гетманом плана совместных действий его сторонников в Великом княжестве Литовском и русского правительства, осуществление которого привело бы к отказу Собеского от антирусских планов и продолжению войны против османов в союзе с Россией. План этот был, по-видимому, согласован с другими руководителями оппозиции в Короне. Возможно, гетман понимал, что аннулировать мирный договор не удастся, но приезд на сейм русского посольства с предложением помощи должен был затруднить принятие враждебных по отношению к России решений. Очевидно и желание гетмана при содействии Самойловича поддерживать близкие доверительные контакты с русскими правящими кругами. Сохранился также текст письма М. Паца одному из наиболее влиятельных советников царя Ю.А. Долгорукому, отправленного из Вильно в декабре 1676 г.¹⁵¹ Сообщая боярину о заключении мира с османами, гетман заверял, что условия мирного договора ни в чем не нарушают мирных соглашений между Россией и Речью Посполитой и эти соглашения король будет соблюдать. Письмо заканчивалось словами о желании гетмана «*pro braterski*» поддерживать сношения. По-видимому, гетман хотел предостеречь от каких-либо шагов, которые могли бы помешать осуществлению предложенного плана.

Записи переговоров Б. Моршевского во Львове (вместе с самим Б. Моршевским) и Б. Ратомского в Чигирине были доставлены в Москву 13 декабря 1676 г.¹⁵² Предложения Паца в Москве не были приняты. Послы с предложениями союза против османов в Варшаву не были отправлены. В Москве, возможно, опасались отправлять посольство, не будучи уверенными в его успехе. Свою роль сыграли, по-видимому, и сообщения В.М. Тяпкина, что за гетмана М. Паца король «сватает» сестру королевы и «многое богатство и чести ему сулят»¹⁵³. В таких условиях русские послы не могли бы рассчитывать на поддержку гетмана и его сторонников.

В январе 1677 г. в Варшаве собрался сейм, который должен был утвердить или отвергнуть мирный договор с Османской империей и определить характер политики Речи Посполитой по отношению к соседям. Незадолго до начала его работ В.М. Тяпкин «от сприяствующих и годных веры знакомцев» снова узнал о планах польско-шведско-османского союза, направленного против России. В этой связи говорилось о посылке на помощь шведам «тайным обычаем войск», во главе с полковником Рыбинским (что вызвало недовольство литовцев) и что армия после окончания войны не распущена¹⁵⁴. Начало работы сейма показало, что худшие опасения литовских политиков не сбываются. Никаких попыток раздавить оппозицию, опираясь на помощь османов и татар, Ян Собес-

¹⁵¹ РГАДА, ф. 79, 1676 г., №. 3, л. 3–4.

¹⁵² РГАДА, ф. 229, оп. 1, №. 119, ч. 1, л. 59, 86, 94.

¹⁵³ РГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 431об.

¹⁵⁴ РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 1–4.

кий не предпринимал. Однако к концу января 1677 г. «верная особа» сообщила о приходе к королю тайного посольства от султана. Султан обещает уступить Волынь и Подолию, если поляки дадут ему «несколько тысяч до слученя с его поганским войском итить за Днепр нынешнею весною»¹⁵⁵. Неудивительно, что В.М. Тяпкин старался внимательно следить за тем, что происходило на сейме, и постоянно направлял в Москву записи выступлений сенаторов.

Как известно, попытки осуществления анти-бранденбургских планов Собеского привели к объединению на иной основе политиков, ранее расходившихся в своем отношении к монарху и его политике. Есть основания сделать такой же вывод и по отношению к восточной политике Собеского. Характерно, что, судя по присланным в Москву записям выступлений, как главный оратор от имени литовской оппозиции выступал канцлер К. Пац, который ранее в своих частых контактах с В.М. Тяпкиным не позволял себе никаких критических высказываний о главе Речи Посполитой.

Именно К. Пац предложил участникам сейма внешнеполитическую программу, противоположную планам Собеского. Он «советовал» «к Балтийскому морю пойтить, дабы утерянны Лифлянты к старому могли обратить подданству»¹⁵⁶. Порицая русское правительство за то, что оно не оказало помощи в войне с османами, К. Пац одновременно выступал против возможных планов войны с Россией. Речь Посполитая разорена войной, даже те воеводства, «которые едва слышали о войне турецкой», поэтому «не можем со столь сильным монархом воевать»; у него 200-тысячная армия, к которой присоединятся и все казаки, так как все казаки уже перешли на Левобережье. Такая война не завершилась бы победой, а могла привести к опасному для страны сближению России и Османской империи. Одновременно К. Пац осуждал и планы войны с Россией в союзе с Османской империей, Крымом и Швецией, добиваясь, чтобы в Речи Посполитой не были «скоры к разлитию крови христианской». Следует действовать «чрез комисаров, войну, як и случай к ней усмиреть»¹⁵⁷. В соответствии с предлагаемым курсом К. Пац настаивал на роспуске армии¹⁵⁸. Эта программа отвечала интересам большей части магнатов и шляхты Великого княжества¹⁵⁹, а также интересам России, готовившейся к большой войне с османами.

Вместе с тем сам выбор такой темы для выступления показывает, что канцлер придавал серьезное значение слухам об антирусских планах Собеского и стремился не допустить их осуществления. К. Пац не был одинок. Резко

¹⁵⁵ РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 42–42об.

¹⁵⁶ РГАДА, ф. 79, 1677 г., № 4, л. 103об.

¹⁵⁷ РГАДА, ф. 79, 1677 г., № 4, л. 107–110.

¹⁵⁸ РГАДА, ф. 79, 1677 г., № 4, л. 108.

¹⁵⁹ Большая часть избранных на предсеймовых сеймиках послов были приверженцами Пацов — *WOBIATYŃSKI* 2008, с. 356.

против планов союза с Османской империей против России выступал лидер подольской шляхты каштелян каменецкий Г. Сильницкий¹⁶⁰.

Вместе с тем отстаивание К. Пацом такой политической линии не побуждало его искать контактов с русским резидентом. Все его встречи (достаточно частые) с резидентом носили подчеркнуто официальный характер. Иначе складывались отношения В.М. Тяпкина с М. Пацом и его окружением. Первая встреча М. Паца с В.М. Тяпкиным состоялась «в тайне» сразу после приезда гетмана в Варшаву. На этой встрече М. Пац сообщил ему, что османы добивались совместного похода их и польских сил на Левобережье¹⁶¹. В марте В.М. Тяпкин сообщал, что на сейме многие «безпрестанно о том стоят», «чтоб конечно иметь вечный покой и союз общих сил с великим государем нашим [...] против бусурманов», прежде всего М. Пац и Г. Сильницкий¹⁶².

25 марта состоялась новая встреча резидента с М. Пацом. Гетман говорил об опасности сложившейся ситуации, когда Османская империя может силой принуждать Речь Посполитую к участию в войне с Россией. Поэтому он предлагал «теперешними часами» предложить Польско-Литовскому государству союз против «бусурман»¹⁶³. Этой встрече предшествовала встреча резидента 21 марта с Яном Собеским, когда сам король предложил заключить «покой вечный» и «союз истинной против турок и татар»¹⁶⁴. Ответ на это обращение, одобренный «боярами в передней» был отправлен В.М. Тяпкину 3 мая¹⁶⁵. Резидент должен был сообщить Собескому «словесно», что царь желает союза с Речью Посполитой «и противности к тому никакой не чинено» и готов обсуждать условия «вечного мира» с Речью Посполитой. Избранный способ общения показывает, что в Москве не решались отправить дипломатическую миссию без ясной надежды на успех и хотели бы побудить к инициативе переговоров польскую сторону.

Важное место в сообщениях В.М. Тяпкина первой половины 1677 г. заняли советы «доброжелательных особ» — очевидно, лиц из окружения М. Паца. Советы эти были разными. В феврале 1677 г. советовали скорее выслать войска на Украину, чтобы «неприятеля одаль Киева и Чигирина встретить и не дать ему своих обозов и валов в Украине крепить»¹⁶⁶. В марте «сприятствующие особы» советовали напротив сделать Днепр рубежом обороны перед наступлением османов и, «учиня мосты живые на Днестре, чинить промыслы великими

¹⁶⁰ РГАДА, ф. 79, 1677 г., № 4, л. 95–97.

¹⁶¹ См. отписку Тяпкина от 5 января 1677 г. — РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 21–22об.

¹⁶² РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 80–80об. О стараниях политиков во главе с М. Пацом сохранить мир с Россией писал тогда же папский нунций Ф. Мартелли — WÓJCIK 1976, с. 143.

¹⁶³ РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 117об.–118об.

¹⁶⁴ РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 109–109об.

¹⁶⁵ РГАДА, ф. 79, 1677 г., № 4, л. 203–205, 207.

¹⁶⁶ РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 59об.

посылками»¹⁶⁷. Очевидно, что такие советы должны были создать у русской стороны благоприятное впечатление о литовских политиках, что позволило бы им и в дальнейшем поддерживать контакты с русской властью. В апреле «доброжелательные особы» сообщали резиденту о существовании тайного соглашения османов с Собеским, что султан «будто сильно их войска займет с собою», угрожая в случае отказа войной¹⁶⁸. В действительности подобного соглашения не существовало и, как представляется, цель таких сообщений состояла в том, чтобы дискредитировать Собеского в глазах русских политиков, чтобы они искали решения своих проблем, прежде всего, в контактах с Литвой. В апреле 1677 г. сейм завершил свою работу. Сообщая о его решениях, В.М. Тяпкин отметил, что сенаторы и послы Великого княжества, «хотя их до того zelo коронные принуждали», не согласились в мирное время сохранить литовскую армию. При этом они заявили, что желают мира с соседями, а с Россией «вечного покою и союзу и для того войск им своих в готовности иметь не потреба»¹⁶⁹. Реальная картина была гораздо более сложной. М. Пац не хотел распускать армию, рассчитывая использовать её в борьбе с Собеским и его союзниками — шведами¹⁷⁰, но Тяпкину сообщили сведения, которые должны были создать в Москве благоприятное впечатление о литовских политиках.

Изучение русско-литовских контактов в конце 70-х гг. XVII в. наталкивается на серьезные трудности. После заключения осmano-польского мира Россия и Речь Посполитая отказались от практики содержания постоянных представителей — резидентов, и В.М. Тяпкин в июне 1677 г. покинул территорию Речи Посполитой. Положенные ему «подъемные деньги» он сумел получить в Вильно «за помощью и великим шумом гетманским»¹⁷¹. Тем самым в распоряжении исследователей нет источника, который в предшествующие годы давал большую часть материала о русско-литовских контактах. Однако, как показывает ряд сохранившихся свидетельств, М. Пац нашел другие возможности для поддержания контактов с правительством царя Федора. В качестве посредника он постарался использовать левобережного гетмана И. Самойловича. Вскоре после начала русско-османской войны, 14 сентября 1677 г. М. Пац отправил И. Самойловичу письмо, в котором, желая победы над османами, просил сообщать о «повождении» русских и казацких войск. В письме гетман выражал мнение, что этому врагу «лутче бы было временным совокуплением сил обоих тел великих государств противитися, нежели розно ту тяготу понесть»¹⁷². Так М. Пац демонстрировал в сложившейся ситуации себя,

¹⁶⁷ РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 97об.–98. Нечто подобное советовал М. Пац летом 1674 г.

¹⁶⁸ РГАДА, ф. 79, 1677 г., № 4, л. 209–211.

¹⁶⁹ РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 128–128об., л. 152об.–153.

¹⁷⁰ ВОБИАТУЊСКИ 2008, с. 356, 360–361.

¹⁷¹ РГАДА, ф. 79, кн. 182, л. 155об.–156.

¹⁷² РГАДА, ф. 229, оп. 2, кн. 125, ч. 1, л. 192об.–193.

как друга России и сторонника русско-польского союза против османов. Тем самым давалось понять, что в новой ситуации, сложившейся с началом войны, в Москве могут рассчитывать на сотрудничество с этим литовским политиком. В своем ответе от 11 октября 1677 г.¹⁷³, сообщая о поражении османских войск под Чигирином, когда они отступили, бросив «не мало все свои тягости воинские», Самойлович высказал мнение, что соединение сил двух государств «имели быти потребно и прибыльно», но имеет место «в господах иных препона немалая нам». Очевидно, это было указание на враждебные по отношению к России планы Яна Собеского.

Для сложившихся отношений во время первой русско-османской военной кампании показательным сообщением подьячего Петра Богданова, ехавшего из русско-украинского военного лагеря в Москву в конце августа — начале сентября 1677 г. В дороге он слышал «будто литовский гетман Пац идет к Киеву на помощь государевым ратным людям»¹⁷⁴. Важно отметить, что со стороны М. Паца дело не ограничивалось выражением симпатий и поздравлениями. Об этом говорит свидетельство, опубликованное давно, но не привлечшее к себе внимание. Это распросы в Разрядном приказе 13 марта 1679 г. шляхтича Слуцкого повета Яна Мошинского, который служил в армии Паца в отряде полковника Рестуцкого. Он попал в плен к туркам, когда М. Пац «послал того полковника с литовскими людьми на Волоскую границу» разрушить мост, поставленный османами на Днепре. В бою у моста шляхтич и попал в плен¹⁷⁵. Это свидетельство еще раз характеризует М. Паца, как последовательного сторонника союза России и Речи Посполитой, направленного против османов.

Всё это имело значение, так как скоро выяснилось, что, несмотря на поражение, Османская империя намерена продолжать войну более крупными, чем ранее, силами. 9 января 1678 г. И. Самойлович сообщал М. Пацу об этом и о том, что русская сторона намерена «учинить отпор»¹⁷⁶. В таких условиях было важно сохранить мир с Речью Посполитой и заключить с ней новое мирное соглашение вместо перемирного договора, срок которого истекал в 1678 г. Важна была и возможная перспектива совместных действий обоих государств против османов.

Выяснить положение дел и с сохранением мира, и с заключением союза было одной из целей направленной в Речь Посполитую весной 1678 г. миссии во главе с одним из лучших русских дипломатов Иваном Ивановичем Чаадаевым. На встрече с ним 7 апреля литовский канцлер К. Пац сообщил, что и он, и брат его, гетман добиваются сохранения мира с Россией «и впредь они будут того постерегать всякими мерами»¹⁷⁷. И это был не единственный сигнал такого

¹⁷³ РГАДА, ф. 229, оп. 2, № 125, ч. 1, л. 193об.—197.

¹⁷⁴ АЮЗР, т. XIII, № 79, стб. 294.

¹⁷⁵ ДАИ, т. IX, № 17 (Дела о выезжих иноземцах), стб. 64–65.

¹⁷⁶ РГАДА, ф. 229, оп. 2, № 125, л. 438–438об.

¹⁷⁷ РГАДА, ф. 79, кн. 185, л. 267–267об.

рода. Сохранилось также письмо второго светского сенатора Великого княжества — воеводы троцкого М. Огинского — такому советнику царя Фёдора, как Ю.А. Долгорукий, о желании продолжать с ним переписку через русского агента Назария Краевского. К письму были приложены записи решений короля и сената от 13–15 апреля, что можно было бы заключить новое перемирие с Россией, но у И.И. Чаадаева не оказалось необходимых полномочий¹⁷⁸. В конце мая 1678 г. И. Самойлович получил еще один сигнал от доверенного слуги гетмана М. Паца Б. Ратомского¹⁷⁹. От имени гетмана он заверял «дабы никакой помешки и розврату в нынешней толикой войне от войских наших не опасались». Гетман «с ыными господами к тому радение приложить имать, как бы никакова нарушения не было». Все эти сигналы должны были убедить русскую сторону, что мирное соглашение будет продлено и русскому правительству не надо готовиться к войне с Речью Посполитой.

В Москву весной 1678 г. направилось «великое посольство» для переговоров о продлении мирного соглашения. Внешняя картина событий была вполне благополучной, однако литовских политиков беспокоило, что представители Короны в составе посольства могут повести дело к разрыву мирных переговоров, когда новое мирное соглашение не будет заключено. Тогда, как пояснял позднее гетман М. Пац, король получит возможность «за саблею турецкою завоеванные города отыскивать». Были приняты меры, чтобы до этого не дошло. По-видимому, был созван съезд литовских магнатов, который принял решения, обязательные для литовских членов делегации — Казимежа Сапеги и Иеронима Комара. Предписывалось «послам нашим с Москвы не отъехать, покамест буде невозможно вечного миру учинить, то конечно чтоб перемирье взяли»¹⁸⁰.

К выполнению своей миссии литовские члены посольства приступили уже по дороге в Москву, заявив посольскому приставу, что если поляки захотят нарушить мир, то «литовское войско и гетман Пац до того отнюдь не допустят»¹⁸¹. Вопреки высказывавшимся опасениям договор был заключен, но все это показывает, что в Великом княжестве были готовы на самые серьезные меры, чтобы сохранить мир с Россией. Этим, однако, выдвигавшиеся планы не ограничивались, России по-прежнему отводилась важная роль в планах создания антиосманской коалиции, которая должна была способствовать приходу к власти в Речи Посполитой Пацов и их союзников.

В июле 1678 г. Н. Краевский прислал в Москву «статьи» М. Паца с изложением его планов¹⁸². В этом тексте М. Пац выражал убеждение, что у короля

¹⁷⁸ РГАДА, ф. 79, 1678 г., № 3, л. 7–8.

¹⁷⁹ РГАДА, ф. 229, оп. 2, № 125, л. 977–978об.

¹⁸⁰ Запись беседы М. Паца с Н. Краевским см. РГАДА, ф. 79, кн. 189, л. 589–590.

¹⁸¹ РГАДА, ф. 79, кн. 186, л. 363об.–364.

¹⁸² РГАДА, ф. 79, 1678 г., № 12, л. 1.

Яна Собеского «тайный словесный уговор з басурманы постановлен»¹⁸³. Поэтому он оказывает в Венгрии «помочь изменникам против цесаря». Следует «тому предварять, ссылаясь часто и тайно с цесарем христианским». Гетман утверждал, что эти действия делаются «без позволения Речи Посполитой» и станут причиной «великих трудностей и замешания». Цель посылки «статей» раскрывается в выражении надежды, что «если бы на нас за ту христианству склонность двор восстал, не сумнимся, что нам оборона и помощь христианская промышленна будет». Таким образом, в 1678 г. был снова поднят вопрос о получении военной помощи из России в случае начала в Речи Посполитой гражданской войны. Этим обращением дело не ограничилось.

Вопрос был снова поднят на встрече уполномоченного М. Паца К.П. Бжостовского с возвращавшимися из Австрии русскими послами 29 сентября 1679 г. На ней К.П. Бжостовский произнес большую речь¹⁸⁴. В этом заявлении специальное внимание было уделено политике Яна Собеского, целям, которых монарх хотел достичь. Здесь читаем, что Собеский хочет союза с Людовиком XIV, чтобы «над Речью Посполитою Полскою самодержавным быть». Если Собеский «свое с французом обязательство обновлять учнет» и «искать крепкого миру с бусурманом», то у монарха с его подданными «без великие крови не будет». В этом случае литовцы будут искать помощи и поддержки в России. Выше приводился целый ряд свидетельств того, как в этой среде опасались абсолютистских планов Собеского, которые должны были осуществиться при поддержке Франции и Османской империи. С течением времени эти опасения не ослабли. Если в конце 1675 г. М. Пац просил о помощи гетмана И. Самойловича, то летом 1678 и осенью 1679 г. он прямо обращался к русскому правительству. Послы заверили посланца гетмана, что, если дело дойдет до «ему, гетману, и Речи Посполитой великого утеснения», то царь «того дела опустить не изволит»¹⁸⁵. Так ясно определяется одна из причин, побудивших ряд литовских политиков стремиться поддерживать хорошие контакты с Москвой.

Другая часть заявления была выдержана в иных тонах. Здесь констатировалось, что, столкнувшись с рядом препятствий на пути к осуществлению своих планов, как в самой стране, так и на международной арене, Собеский сменил свою ориентацию и стал искать союза с царем против османов. Но если переговоры о союзе закончатся неудачно, Собеский снова обратится к поискам опасного для России союза с Францией и Османской империей. Союз России и Речи Посполитой должен был упрочить международное положение Речи Посполитой и стать гарантией того, что Собеский окончательно откажется от попыток установления в Речи Посполитой абсолютистского правления, не располагая серьезной внешней поддержкой. Как представляется, именно поэтому

¹⁸³ РГАДА, ф. 79, 1678 г., №. 12, л. 10–13.

¹⁸⁴ Текст этой речи см.: *Памятники 1858*, стб. 1155–1158.

¹⁸⁵ *Памятники 1858*, стб. 1158.

М. Пац так последовательно был сторонником русско-польского союза против османов. В заявлении было уделено внимание и вопросу о гарантиях соблюдения будущего союзного договора. По мнению М. Паца его должны были скрепить особой присягой гетманы «обоих народов». Это дало бы им право следить за соблюдением соглашения «и какие злые замыслы ни явятся, и по обязательству своему они, гетманы, их не допустят»¹⁸⁶.

Характерно, что в общении с послами принял участие и К. Пац через своего секретаря Ежи Доминика Довманта. Через секретаря он предостерегал русских политиков от заключения мирного договора с османами. Если будет заключен такой договор, а Россия и Речь Посполитая между собой не договорятся, это может стать прелюдией к формированию опасной для России франко-осmano-польской коалиции: польский король «лукав» и может этого добиться с французской помощью¹⁸⁷. Главные литовские политики на этот раз действовали, очевидно, в согласии между собой.

Следующий важный шаг был предпринят в 1680 г., когда первые светские сенаторы Литвы М. Пац и М. Огинский через русского агента Назария Краевского обратились в Москву с предложением прислать к ним эмиссара «для доброго дела» чтобы договориться о совместных действиях против «зломысленных людей». О каких «людях» идет речь ясно показывают слова: «лутче с нами имети совет, нежели с тем, которого француз с турком посадил на престол»¹⁸⁸. По-видимому, речь шла о заключении какого-то русско-литовского соглашения, что заставило бы Собеского продолжить искать союза с Россией, а литовцы могли бы выступать в роли гарантов такого союза. Однако к этому времени в Москве стремились скорее закончить тяжелую войну с османами, и инициатива литовских политиков не встретила здесь отзвука.

Подводя итоги анализу имеющихся свидетельств, следует констатировать, что во второй половине 70-х гг. XVII в. важная часть политической элиты Великого княжества Литовского в борьбе с противостоящими силами в политической элите Речи Посполитой искала сотрудничества с русскими политиками, снабжала их информацией о действиях и планах своих противников, предлагала планы совместных действий. Можно указать две основные причины, побуждавшие к таким поступкам. Во-первых, это были опасения, что пришедший к власти Ян Собеский попытается осуществить абсолютистский переворот, опираясь на поддержку внешних сил, прежде всего Франции и Османской империи. Во-вторых, активная внешняя политика Собеского могла привести к войнам с соседями (и прежде всего с Россией), что привело бы к новому разорению страны, ещё не оправившейся полностью от бедствий многолетней войны. Сообщения русских дипломатов, посещавших Литву в эти годы, показывают, что такие опасения

¹⁸⁶ *Памятники* 1858, стб. 1155–1157.

¹⁸⁷ *Памятники* 1858, стб. 1159–1160.

¹⁸⁸ КОЧЕГАРОВ 2008, с. 59–60.

испытывали не только гетман М. Пац и люди его круга, но и войско, и литовская шляхта. И «статьи новой рады» и сохранившиеся записи переговоров этого времени показывают, что такие подозрения не были беспочвенными.

Одной из целей таких контактов было обеспечить себе помощь и поддержку со стороны России, если дело дойдет до попыток осуществления абсолютистского переворота при поддержке внешних сил. Вместе с тем это была крайне критическая ситуация и литовские политики стремились до неё не допустить и здесь они также были заинтересованы в поддержке России.

Ян Собеский пришел к власти, когда Речь Посполитая вела тяжелую неудачную для неё войну с османами. Для осуществления его планов был нужен мир, заключенный при содействии Франции. В этой ситуации литовские политики добивались, чтобы существовавший русско-польский союз против османов был дополнен важным соглашением и соединением («случением») армий двух государств. Такое соглашение и совместные действия армий побудили бы общество Речи Посполитой продолжать войну, чтобы добиться почетного и выгодного мира, вопрос о войне с Россией бы отпал, а Ян Собеский был вынужден отказаться от поиска союзов с Османской империей и Францией. Установившиеся связи с Россией М. Пац стремился использовать, чтобы добиться такого соединения армий. Русской стороне последовательно внушали, что лишь благодаря усилиям литовских политиков Ян Собеский не смог заключить мир и союз с османами, направленный против России.

Для русской стороны литовские политики, объединявшиеся вокруг М. Паца, были важным источником информации о планах и действиях Яна Собеского, их рассматривали, как силу, которая в определенных ситуациях может отстаивать в Речи Посполитой интересы России (в частности, не допустить новой войны), учитывалась также возможность в случае обострения внутривосточного кризиса в Речи Посполитой попытаться установить протекторат над Великим княжеством Литовским. Вместе с тем поступавшие от М. Паца и людей его круга сообщения о враждебных по отношению к России планах Собеского, о резком противостоянии власти и оппозиции в Польско-Литовском государстве побуждали русское правительство, соглашаясь в принципе на соединение армий, добиваться от польско-литовской стороны разного рода гарантий, которых та оказалась не в состоянии выполнить. В этом отношении планы М. Паца потерпели неудачу и Яну Собескому удалось добиться заключения мира с Османской империей.

К концу 70-х гг. заинтересованность обеих сторон в развитии контактов стала уменьшаться. Никаких попыток укрепить свою власть и ограничить шляхетские «вольности» Ян Собеский не предпринимал, не выдвигал он и каких-либо планов враждебных действий по отношению к России, наконец, с конца 1670-х гг. он всё более определенно встал на путь антиосманской политики. Правда, как показывает заявление М. Паца 1679 г., литовские политики считали важным заключение антиосманского союза между Россией и Речью

Посполитой, чтобы перемены во внешнеполитической ориентации Яна Собеского стали необратимыми. Однако этот союз уже не мог иметь того важного общеполитического звучания, которое ему принадлежало бы в более ранние годы, особенно после образования антиосманской коалиции с участием Речи Посполитой.

Поэтому наметившиеся в 70-х гг. XVII в. тесные политические контакты в дальнейшем не получили продолжения. В дальнейшем «пророссийская» группировка в Великом княжестве стала формироваться не только в Великом княжестве, но и во всей Речи Посполитой в годы правления Петра I после прихода в Польско-Литовское государство шведских войск.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- РГАДА [= Российский государственный архив древних актов, Москва], ф. 79 (Сношения России с Польшей): кн. 160.; кн. 163.; кн. 166.; кн. 172.; кн. 173.; кн. 176.; кн. 178.; кн. 181.; кн. 182.; кн. 185.; кн. 186.; кн. 189.; 1674 г. №. 3.; 1674 г. №. 6.; 1674 г. №. 8.; 1674 г. №. 14.; 1674 г. №. 18.; 1675 г. №. 3.; 1675 г. №. 4.; 1675 г. №. 5.; 1675 г. №. 6.; 1675 г. №. 8.; 1675 г. №. 9.; 1676 г. №. 1.; 1676 г. №. 3.; 1676 г. №. 4.; 1676 г. №. 5.; 1676 г. №. 7.; 1677 г. №. 4.; 1678 г. №. 3.; 1678 г. №. 12.
- РГАДА, ф. 229 (Малороссийский приказ): оп. 1. №. 119.; оп. 1. №. 230.; оп. 2. кн. 38.; оп. 2. кн. 125.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ, МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ

- АЮЗР = Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. XII, СПб., 1882; Т. 13. СПб., 1884
- ДАИ = Дополнения к Актам историческим, т. IX, СПб. 1875
- ДОМРАЧЕВ 2017 = Николай Е. Домрачев, *Поездка гонца П.Б. Возницына во Львов к королю Яну Собескому в 1675 г. в свете документов Посольского приказа*, „Очерки феодальной России”, XX, 2017, с. 272–355
- КОЧЕГАРОВ 2008 = Кирилл А. Кочегаров, *Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире*, М. 2008
- Памятники 1858 = *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными*, т. VI, СПб. 1858 (Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею, т. V, С 1661 по 1674 год)
- ПОПОВ 1854 = Александр Н. Попов, *Русское посольство в Польше в 1673–1677 годах*, СПб. 1854
- ФЛОРЯ 2013 = Борис Н. Флоря, *Внешинополитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки её осуществления*, М. 2013
- ФЛОРЯ 2015 = Борис Н. Флоря, *Россия и элекция в Речи Посполитой 1674 года*, „Средние века. Вып.”, LXXI, 2015, 1–2, с. 269–290
- ФЛОРЯ 2018 = Борис Н. Флоря, *Политическая элита Великого княжества Литовского и Россия в 1673 году*, „Славяноведение”, 2018, 4, с. 3–9

- BOBIATYŃSKI 2008 = Konrad Bobiatyński, *Michał Kazimierz Pac — wojewoda wileński, hetman wielki litewski. Działalność polityczno-wojskowa*, Warszawa 2008
- KOMASZYŃSKI 1983 = Michał Komarzyński, *Jan III Sobieski a Bałtyk*, Gdańsk 1983
- WAGNER 2009 = Marek Wagner, *Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676*, т. I–II, Zabrze 2009
- WÓJCIK 1976 = Zbigniew Wójcik, *Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji (1674–1679)*, Wrocław 1976

The Grand Duchy of Lithuania and Russia in the 1670s

The article is an analysis of Russian archival materials concerning the intensive contacts of politicians from the Grand Duchy of Lithuania, led by Michał Pac, with the Russian government in the 1670s. By maintaining such contacts, Lithuanian politicians from Pac's group sought to preserve peace between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth, to change the external political orientation of their state and to bring about the Commonwealth's alliance with Russia and Austria against the Ottoman Empire. In addition, they hoped for Russia's help in their fight against Jan Sobieski. This also applied to a possibility of military cooperation.

